

КАМИНО

ПОРТУГЕЗ

КАМИНО ПОРТУГЕЗ

1) ВВЕДЕНИЕ: СПЕЦИФИКА ПОВЕСТИ ОБ ЭТОМ ПИЛИГРИМАЖЕ.

Этот рассказ – о прохождении Паломничества по одному из Путей Камино де Сантьяго.

О Португальской Тропе.

Можно весьма по-разному описывать такие деяния: сосредотачиваться на самом сюжете, вовлекаясь в узоры «человеческого фактора»; можно передать сухое содержание «религиозного паломничества», набросав геометрически схоластику «во имя бога, святые, храмы, праздники»; есть вариант – написать художественное произведение с изрядной долей выдумки и фантазий; сборник эссе, стихов, фото, картин...

Можно много всего.

Таков числитель.

Знаменатель отрезает гильотиной прелестные жасминовые приторности; фильтрует барокковые излишества прихотливого маньеризма; сжигает личную (и потому, всегда пристрастную или просто, банально скучную) «историю».

Знаменатель, осенённый рыцарской спецификой, не позволяет говорить о Боге уничижительно и с позиции как раба, так и «потребителя духовных услуг»; имея в виду, что совершенно уникальное наследие Евгения Головина постепенно превращается в некий бренд, слово «Алхимия», Вы практически не обнаружите в лабиринтах данных строк...

Дробь повествования оказывается связана, как вдох и выдох, с иероглифом спонтанных озарений и таких же свободных проявлений, на которые, незнающие люди, быстро и привычно лепят бирку «случай». Упомянутая энигма, предстаёт в совокупности Арканом, тайной распутывания нитей Лабиринтов: для иллюстрации, используем здесь такую метафору – Шартрский Лабиринт, в данном варианте, представит контекст общего Лабиринта Камино, а Амьенский – личной версии, находящейся в объятиях рока и воли...

Дело в том, что привычно и незамысловато повествовать о Камино – всецело бессмысленно. Камино де Сантьяго, как и все тексты Писания, представляет собою вязь Символов.

Символов.

А Символы, необходимо особо различать и неторопливо, в блаженстве, расшифровывать.

Исходя из вышеописанных установок, синхронно самому Пилигримажу, будет проявляться история о нём.

Кое-где, найдут себе место описания внешних событий.

В некоторых порядках букв и их значений, обнаружится внутреннее прочтение Смысла.

А где-то, будут попытки проникнуть в самую Суть.

Похоже на то, что Камино де Сантьяго одинаково сущностно закрыто как для «современного человека», так и для дисциплинарно-сухого «религиозного человека». Последний, как правило, чрезмерно связан, в основном, с ошибкой значительного преобладания оперативной Катафатики, и потому, Живой Гнозис не обретает полноценного дыхания, ввиду отсутствия раскрытых Верхних Вод Изначалия Апофатики.

Для некоторого ориентирования в специфике нашего подхода к данному Опусу, очертим некие направляющие координаты Острова Вечного Сентября.

Опишем сие несколько метафорично: вот, собирается некто, без имени и названия, лишённый лица, на Камино. В холщовый дорожный мешок погружаются две книги: Евгения Головина и Майстера Эххарта. Третья книга найдётся в Звёздном Поле, это будут Опусы Рамона Лулля (Раймонда Луллия).

К слову сказать: самые разнообразные современные книжонки «о камино» в духе new age, в данном случае, не годятся даже для растопки придорожного костра, их бы можно было определить в туалет, да печать не вполне полезна для такого рода нужд.

Камино – это не маршрут, имеющий физические координаты. Это не повод для культурно-исторического онанизма публики, близкой к интеллигентствованию. Тропа слабо откликается на

дисциплинарные запросы рабов к приватизированной ими версии бога (здесь, на данную тему, испанская Мистика располагает Опусами Сан Хуан де ла Круса, которые как раз и помогают узреть шокирующее отличие «бога» перепуганных и корыстных людей, от Бога Живого).

Конечно, ни о каком развлекательно-физкультурном туризме не может быть и речи...

Книг о Камино де Сантьяго, книг, более-менее действительно вводящих в измерение этих Троп, не так и много. Практически, на русском, Вы найдёте всего лишь несколько качественных...

Пожалуй, имеет смысл отослать Читателя к некоему Триумвирату Мудрых и Живых: изучая их книги, Вы обретаете шанс таки приоткрыть Врата. Речь идёт о произведениях Евгения Головина, Юлиуса Эволы и Рене Генона. Получив такого рода базу (то есть, погружаясь в указанные просторы хотя бы тысячу дней), Вы сами, далее, обретёте интуицию Качества в деле Камино.

2) СУЩНОСТНО О ПИЛИГРИМАЖЕ.

Есть исключительно важный аспект смены или перемены оперативных божеств.

Его, в числе прочих наиважнейших моментов, подразумевает Паломничество.

Условно говоря, существует две позиции по отношению к божествам-держателям места и времени, а также, к связанным с ними, божествам рода.

Первая – Кочевник.

Вторая: Оседлый.

Каждая из этих позиций может реализовываться через Мирскую и Немирскую Максиму.

Мирская Максима Кочевника, это – бизнесмен в разъездах по делам фирмы, турист, вкушающий удовольствия развлечений, даже, наёмник-солдат, едущий на очередную войну...

Немирской Полюс Кочевника означает Пилигримаж, который, в свою очередь, может быть совершён в струе конкретной Передачи, или – в поисках оной.

Мирская Оседлость – это «семья, работа, развлечения», Немирская Максима, здесь: Монах или, даже, Отшельник...

Гнёт Великой Матери, этого принципа количественного воспроизведения вне Высоких Смыслов, максимально силён в ситуации Оседлой Мирской Максими, а в своей транзитной форме присутствует и в Формуле Немирского Кочевника.

Христианский сакральный мифос канонизирует Немирские Полюсы данного созерцания в фигурах Братьев Грома, Воанергес: Святой Иоанн держит Священную Оседлость, а Иаков-Матаморос – Пилигримаж Кочевника-во-Имя-Истины.

Опус Странствующего Рыцаря соответствует Немирской Максиме Странствий; Архэ Оборона Крепости связано с правильной Фиксацией и её охраной от деструкций врагов.

Когда некто приезжает в другую страну, он попадает под небо иных божеств (неких устойчивых состояний-смыслов). Таким образом он как бы выходит из-под прямых привычных принуждений инварианта Демиургии, как измерения обречённости и гнёта.

В случае пешего Паломничества, вообще возможно, распахнуть дверь в измерение меньшей обусловленности вышеописанными факторами. Имея в виду герметическую, гностическую, да и христианскую символику, можно говорить о последовательном преодолении Семи слоёв принуждения. То есть: начало Пилигрима находится под эгидой, например, Луны, а цель освящена Восьмым Пространством Ровных Сияний...

В схему такого рода могут быть включены ещё и Четыре Стихии в восходящей гамме: Земля, Вода, Воздух и Огонь. В результате, такого рода космология явно отсылает к аристотелевскому Корню...

Смены инвариантов Демиургий, в числе прочего, даруют шанс распознать неподвижное Небо собственной Правды со Звездой Парадигмы на нём. Путеводной Звезды не может быть на чужих небесах и потому настолько важно открыть собственное ураническое Измерение. Сие, в том числе, ощущается как некое состояние сущностного покоя и нахождения в устойчивом настроении «всюду дома».

Вхождение в живую плоть хрустальных снов и есть способ выйти из обыденной суммы обстоятельств и свойств, перейти в измерение Мифа-Сказки. Паломничество категорически невозможно в «реальности», его Тропа соткана из тончайшей онейрической субстанции, и оператор попадает в мир, пронизанный ангелами и демонами. В их компании происходит Камино, Символы и концентрации-коагуляты Мифа предстают ключевыми Формулами главных и второстепенных персонажей...

Странные настроения-состояния принимают в себя Скитальца; сны переходят в не-сны и наоборот. Случайности превращаются в тайный язык знаков, намекающих на расшифровку очередных комет Лабиринта.

3) ИБЕРИЯ И КАМИНО ДЕ САНТЬЯГО.

Империя Камино де Сантьяго обнимает собою всю Европу, за-
тухая остаточными тропами, практически, в России.

Конкретные Пути рельефно означены и относительно живы,
начиная с Польши и Прибалтики.

Уже Германия плотно и осязаемо пронизана множеством Троп
Святого Иакова, а французские маршруты стекаются в четыре
магистральных Реки. На территории Иберии Камино предельно
конкретизированы и, даже, иерархически определены. Главное
из них – Французский Путь, приносящий звёздное сияние Млеч-
ного Пути на землю эту.

Иберия – главный Котёл Империи Камино Матамороса. Как из-
вестно, в этом объёме находятся две и похожих и, одновременно,
очень различных страны, Португалия и Испания.

Исходя из озвученного, имеет смысл, хотя бы приблизительно,
очертить специфику пиренейского полуострова в плане наполне-
ния глубинными содержаниями. Без глубинного осознания на сии
темы вряд ли возможно качественное Камино.

Итак, Иберия.

Запад.

Европа вырастает, пожалуй из Греции, там находится корень
Платонизма и Аристотелианства, двух из трёх главных течений в
высшей сфере деятельности Ума. Пределы Европейской ойку-
мены вполне внятно озвучены в античном Мифосе: Восточный,
Дионисовы Столбы, находится в Индии, на реке Ганг; Западный
– Геракловы Столбы Гибралтара.

В этом же измерении, Атлантика определена как место, где,
после поражения в Титаномахии, титан Атлас держит небо.

При вульгарном взгляде, отдающем патриархальным наси-
лием концептуального морализаторства, Иберию можно опреде-
лить как место спуска в Мир Мёртвых и, даже, в Ад.

Более трепетное созерцание видит сие Измерение как «Ко-
рабль Вечного прощания и такого же расставания», как Гавань

утраты иллюзий и потому, в Мистике Вечного Сентября, ему соответствует Синяя Роза.

Направление Режимы Очищения и умаления, растворения эго и концепций – Запад.

Вектор Чистоты и самовозникающего Света Сияний, Север.

Результирующее направление всех Камино, некий их Знаменатель – Северо-Запад. Сие транслирует Опус Очищения и обретения Прозрачного Света, который является антитезой прелести ложного мистического опыта...

... где-то в Атлантике расположен волшебный Остров: то ли Атлантида, то ли – Яблочный Остров Авалон.

На этом Острове находится Сад Гесперид, где произрастают Золотые Яблоки Вечной Молодости. Их охраняет Змей Ладон (символика Змея, зачастую, отправляет к универсальной Растительной Силе и к смертельной опасности отстаивания себя пред безжалостной снисходительностью Великой Матери)...

Далее, Иберия попадает в контексты исторических перемен.

Весьма значима и оставляет неизгладимый след доминанция финикийцев и карфагенян в своё время. Понятно, что они транслируют измерение Великой Матери, Кибелы, со всей её кастрационной, по отношению к мужчинам, спецификой.

Пунические Войны Рима и Карфагена, этих двух антагонистов, Имперского Орла и Кибелы, оканчиваются триумфом Рима. Его влияние приходит в Иберию, а когда Рим становится христианским, сюда попадает и это Великое Учение.

По преданию, сам Иаков, Брат Грома приносит Учение Христа сюда; несколько позднее, Апостолы Пётр и Павел, направляют Семь Святых Мужей:

- Торквата (в Кадис);
- Секундуса (в Авилу);
- Ктесифа (в Брагу);
- Исихия (в Касорию);
- Ефрасия (в Андухар);

- Цецилия (в Эльвиру в Гранаде);
- Индалетия (в Арбукену).

Эти Семеро мультиплицируют Учение Христово в Иберии, а став епископами, играют роль опорных Столбов.

Латино-Христианский Логос прочно входит в иберийский Котёл.

Несколько позже, вторгшиеся германские племена приносят Арианство, однако, потом вестготская знать принимает Никейскую версию Христианства.

Таким образом, Иберия становится прочной опорой Рима, католицизма, да и вообще, твердыней Христианства. Даже в эпоху Реформации, Испания и Португалия строго сохраняют католическую идентичность, становясь (особенно Испания) точкой опоры Контрреформации.

Конкиста и Реконкиста (711–1492) окончательно определяют духовную векторность Иберии, вследствие чего, Средневековые (а с ним и Рыцарство) становится ЦЕЛЬЮ. Постсредневековые модусы практически не проявляются здесь, они приходят из-за рубежа.

Арабо-мавританское завоевание под знамёнами Ислама, в общем, происходит всего за три года, христианской остаётся только Астурия на Севере Испании. В битве при Пуатье кладётся предел исламской экспансии.

Долгих семьсот лет (!!!) христиане отвоёвывают Иберию, шаг за шагом продвигаясь на юг.

Практически вечно длится борьба за латино-христианскую Правду и в конце концов Цитадель Христового Учения торжествует победу.

Реконкиста Семи столетий задаёт главные Смыслы и основные оси иберийской Алхимии. Сталкиваются и частично смешиваются семиты (арабы и евреи) с индоевропейцами. Арабская эссенция проявляется Суффизмом Ибн Араби (1165–1240); еврейский платонизм рождает Каббалу (Моше бен Леон, 1250–1305)...

Именно во время Реконкисты зажигается звезда самого великого Испанца, человека (точнее, сверхчеловека), судьба и Учения которого выражают самую Суть Истины, в излиянии на конкретику Иберии. Речь о Рамоне Ллулле (Раймунде Луллии, 1235–1315). В этом Адепте, в его *Ars Magna*, сущностный Платонизм, осознанный посредством Суффизма, Каббалы, Герметизма и Алхимии, излился в Христианском Опусе.

Очень трудно переоценить значение Раймунда Луллия и его наследие, безусловно, приходит обязательным полем смыслов для Пилигрима Сантьяго.

Победа в Реконкисте изливает избыток Силы в миры неведомые. Так открываются Америки и рождаются огромнейшие империи: наверное, сия мультипликация для Португалии – это, в основном, пятнадцатый век; для Испании – шестнадцатый.

Плавания в Индию, в дальние земли Африки, в Америки, изначально находились всецело внутри Рыцарского Опуса распространения освобождающего Учения Христа и поиска Царства Пресвитера Иоанна. Впоследствии, всё скатилось к добыче вульгарного золота, рабов и власти над новым ресурсом...

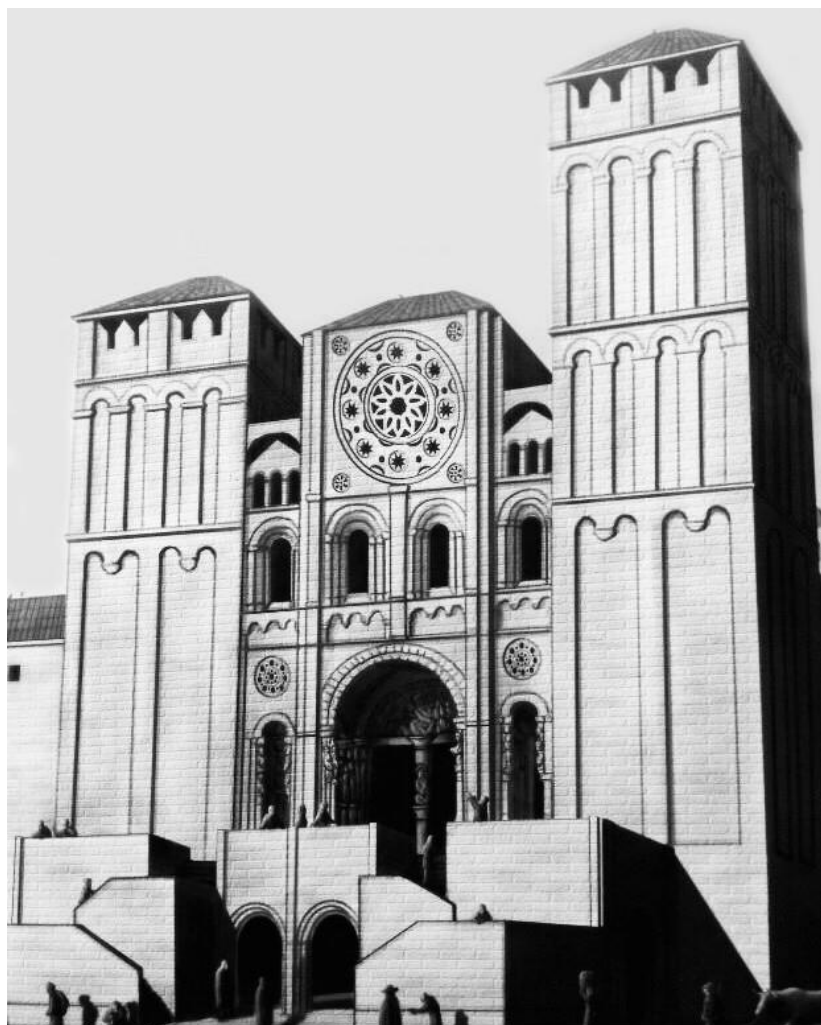
Испания (Португалия также, может несколько по-иному) стали неким Вечным Средневековьем и только в семнадцатом веке произошёл качественный перелом, когда, выражаясь иносказательно, Рыцарь Сид Кампеадор разделился на романтика Дон Кихота и носителя избыточного вульгарного Огня, Дон Жуана.

Огромную роль в Вечном Средневековье Реконкисты, в соборных душах Португалии и Испании, сыграли Рыцарские Ордены: Тамплиеры, Сантьяго, Гроба Господнего, Иоанниты, Ависский, Христа и другие. В 1131 году Король Арагона Альфонсо Первый Воитель, даже завещал своё Царство Рыцарским Орденам, в первую очередь, Тамплиерам; впрочем, сие не было исполнено.

Даже из такого крайне обзорного и поверхностного, тем не менее, сущностного, описания Иберийской специфики становится понятно, что сей Котёл являет собою исключительно особое Измерение и что многочисленные Камино де Сантьяго черпают свои

Огонь и Пламя из вышеописанного звёздного тела Западного Отечества.

Итак, являясь предельно насыщенным особой пневмой Краем Земли, топосом, где Солнце ныряет в Море, Иберия сначала была промыта волнами карфагенян и Рима, потом – германских племён. Самая сущностная Реакция произошла в Реконкисту: иное пришло с Юга на Север почти поглотив Крест, потом оно было вытеснено в обратном направлении. И силы этого возвратного цунами продолжавшегося семьсот лет, хватило на так называемые Великие Географические Открытия...

4) ПОРТУГАЛЬСКАЯ СПЕЦИФИКА: САУДАДЕ (SAUDADE) ПО ИСТИНЕ И ЕЁ ИСКРАМ.

Португальское Камино возможно в нескольких вариантах. В любом случае, генеральная линия вектора будет идти в основном на Север.

Классическое Камино Португез подразумевает Паломничество из Лиссабона через Порту в Сантьяго-де-Компостела. Оно весьма протяжённое и соразмерно главному Камино Франсе.

Есть и более краткий вариант, из Порту.

По ряду причин, мы выбрали такую схему:

Перелёт до Лиссабона. Далее, переезд в Алкобасу с прихождением в Монастырь Цистерцианцев. После, переезд в Томар, Тамплиерскую Столицу Португалии.

Оттуда: на поезде до Порту.

Потом – до Барселуша.

И вот уже из Барселуша предстоит пеший переход до Сантьяго...

Таким образом, мы сначала пройдем землями Португалии, пересечем границу и закончим в Испании.

Похоже на то, что одним из главных смыслов таких Португальских Камино, кроме всего прочего, является пропитывание сугубо португальским духом Saudade и настройка на эту волну. Ежели такое случается, Пилигрим в особо очищенном и тонком состоянии попадает на огненную землю Вечного Рыцарства, в Испанию. Такому делу вполне соответствует кардинальное направление: «На Север!». Пропеллер апофатической Свастики несёт именно туда.

Описать Саудаде очень непросто. Для начала мы приведём несколько цитат из работы Майкла Амурозо, посвящённой Saudade. Цитаты приводим в переводе Юрия Волошина.

Итак:

«Я молюсь за друзей, которых больше нет рядом. Я молюсь за свою семью и своего дядю, который умер», – рассказывал мне Бруну. Мы беседовали в нефе католической Церкви душ повешенных Санта Крус, расположенной в Сан-Паулу. В этой церкви, возведенной рядом со старыми городскими виселицами, прихожане обращают свои молитвы к мертвым. «Когда я здесь, я чувствую себя хорошо», – говорил Бруну. «Я даже чувствую, что по ту сторону тоже всё хорошо». Он рассказал мне, что в этом месте есть нечто особенное, вызывающее в нем некое «ощущение». «Когда вы погружаетесь в воспоминания о ком-то, кто был к вам по-настоящему добр, это внушает еще бóльшую *saudade*», – говорил он.

В португальязычной среде *saudade* – ключевое слово из тех, что обозначают эмоции. Будучи сродным ностальгии и страстному желанию, этот термин не имеет прямого эквивалента в английском языке [равно как и во многих других – прим. пер.]. Как поет бразильский музыкант Жилберту Жил в песне «*Toda saudade*», это слово означает наличие отсутствия «кого-то или какого-то места – словом, чего бы то ни было».

Нечто подобное обнажённо и ярко ощущается в Клуатре Лисабонского Собора. Здесь, вплоть до семидесятых годов двадцатого века, жили Вороны, потомки птиц, приплывших вместе с мощами Святого около семисот лет назад...

Таким чувством полны тёплые португальские ночи, оно же изливается мелодикой драконьей португальской речи.

Грустные крики чаек и ожидание Дона Себастьяна...

Продолжим цитирование:

«Человек может испытывать *saudades* (формы единственного и множественного числа взаимозаменяемы) по людям или местам, а также по звукам, запахам, вкусам и еде. Можно даже испытывать *saudades* по самой *saudade* [в португальском это слово женского рода – прим. пер.]. Дело в том, что «испытывать *saudades* – это хорошо» (*é bom ter saudades*), как утверждает расхо-

жая поговорка. В этом чувстве есть определенное удовольствие. Несмотря на свою болезненность, укол *saudades* – это напоминание о чем-то хорошем, что осталось в прошлом».

В пространстве Вечного Сентября существует некое важное понятие, относящееся к Синей Розе Мистики Прозрачного Сада: «Зов».

Возможно, есть некие корреспонденции к Рыцарской Миннэ...

Продолжаем о Саудаде:

«Союз желания и боли

В 1912 году португальский поэт Тейшейра де Пашкуайш определил *saudade* как «жажду чего-то любимого, обернувшуюся болью отсутствия». Это острое чувство, о котором часто говорят, что оно исходит из сердца. Семантика *saudade* отличается яркой образностью. Носители португальского языка жалуются на то, что они «умирают от *saudades*» (*morrendo de saudades*), или же что они «убивают *saudades*» (*matar saudades*), удовлетворяя желание. Невзирая на свою гиперболичность, болезненная поэтика этого слова проливает свет на то, как эмоциональные узы наполняют жизнь человека смыслом».

Похоже на то, что, кроме описанного выше Саудаде, Саудаде, как эмоции, существует ещё иное, более глубинное *Saudade*, оно выходит далеко за страстную сферу и означает вторжение апофатического Гнозиса в быт, что знаменуется тотальным ощущением Потери, распаивания континуума и Вечного продолжающегося прощания с самыми дорогими душе, иллюзиями...

Вот, что пишут далее в упомянутом эссе:

«Народная традиция соотносит *saudade* с чувством отдаленности и утраты, от которого страдали семьи ушедших в плавание моряков во времена португальских географических открытий. Тогда как в этой фольклорной истории ухвачена поэтическая двойственность понятия, его этимология остается неясной. Архаичная

форма *soidade* появляется в XIII веке в стихах трубадуров, воспевающих стенания возлюбленных в разлуке. Большинство специалистов сходятся во мнении, что эта форма происходит от латинского *solitude* («одиночество»), на которое позже оказало влияние португальское слово *saudar* («приветствовать»), прежде чем обрести свою нынешнюю форму.

Но некоторые исследователи предлагают альтернативные этимологии – так, согласно одной из версий, *saudade* восходит к арабскому слову *sawdā*, которое означает мрачное или меланхолическое настроение. Это полемика с высокими ставками: *saudade* неотъемлема от португальского самопонимания, а вопрос о происхождении этого слова сопряжен с более глубокими факторами в определении португальской этнической принадлежности и идентичности.

Saudade стала маркером португальской идентичности во многом благодаря такому литературному движению начала XX века, как саудадизм. Основанный спустя два года после республиканской революции 1910 года, положившей конец многовековой монархии, саудадизм обещал культурное обновление во времена неопределенности».

При каботажных плаваниях ещё виден Край Земли, когда же уходишь в Океан, теряются все опоры...

Далее:

«В книге «Сотворение *saudade*» (англ. «The Making of *Saudade*», 2010) португальский антрополог Жоао Леаль пишет, что саудадисты стремились восстановить «утраченное величие» португальской культурной жизни, «заменив иностранные влияния – в которых видели причину упадка страны со времен Великих географических открытий – культом “португальских вещей”, отражающих истинную “португальскую душу”». Провозглашая *saudade* подлинным выражением «лузитанского духа», саудадисты поместили эту эмоцию в центр своего культа.

Носители португальского языка обычно хвастаются, что слово «*saudade*» невозможно перевести. Хотя это и старое утвержде-

ние – король Португалии Дуарте (правил с 1433 по 1438 гг.) отстаивал уникальность *saudade* еще в начале XV века – именно благодаря саудадистам это явление обрело такую известность. В манифесте движения Пашкуайш повторял, что это понятие не поддается переводу, вместе с тем декларируя, что «испытывать *saudade* могут только португальцы».

Связывая это специфическое чувство с португальским этногенезом, Пашкуайш заявлял, что совершенный союз желания и боли, которым является *saudade*, отражал «идеальный синтез» арийской и семитской крови, унаследованной португальским народом. И хотя современники приводили близкие по значению эквиваленты из других языков, националистически заряженная *saudade* в трактовке Пашкуайша стремилась закрепиться в языке и сознании, апеллируя к культурной элите».

Нормативно-дисциплинарное христианство не знает светлой Печали по Богу. Это сверхчувство ведомо только прозрачным душам и они спонтанно определяются в «Друзья Бога», бытийство работом уже невозможно для утончённого слуха, вкушающего хрустальный звон Ангельских Сфер...

Майкл Амурозо так оканчивает свою статью:

«... примеры таких преданных своей вере людей, как Бруну из Церкви душ, нам о чем-то и говорят, так это о том, что *saudade* – это всегда удовольствие и привилегия. Это чувство, которое является как дар, несмотря на свою связь с чем-то, чего больше нет. Это откровение: охваченные *saudade*, мы осознаем, что нам более всего дорого и что делает нас теми, кто мы есть».

Цитированный текст даёт некую первичную координату для отправки в путешествие понимания Саудаде. Углубление в тему возможно посредством очищенной интуиции и благодаря нескольким сущностным замечаниям.

Вот как поэтично и тонко описывает Саудаде Тейшейра де Пашкуайш:

«Итак, что такое саудаде?

Я не устаю повторять, что саудаде в своём последнем наиболее глубоком анализе есть плотская, но одухотворённая любовь к Боли, или духовная, но материализованная любовь к Желанию; это брак Слезы и Поцелуя; это Венера и Дева Мария в одной и той же Женщине. Это синтез Неба и Земли; это точка, где пересекаются все силы космоса; это центр Вселенной: душа Природы в человеческой душе, и душа человека в душе Природы. Саудаде – это вечная личность в душе нашего Народа; характерный лик и изначальное тело вместе с которыми он появился среди других Народов. Саудаде – это вечное Возрождение, не реализованное в искусстве как в Италии, но проживаемое изо дня в день, от часа к часу, эмоциональным инстинктом Народа. Саудаде – это туманность завтрашнего дня; нескончаемая Весна «весёлая и грустная заря» из сонета Камозэнса. Это латентное состояние души, которая завтра призвана стать лузитанским сознанием и лузитанской цивилизацией» (перевод Дугина А. Г.).

Один из португальских писателей так истолковал Саудаде:

«... божественное внутри нас, что заставляет нас духовно стремиться и желать того, что мы никогда не видели и о чём мы никогда не слышали» (перевод тот же).

Вспомним народные русские сказки:

«Пойди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что».

Упомянутый Тейшейра де Пашкуайш, считал, что португальская кровь в равных пропорциях приняла в себя семитскую тоску и арийское желание. Желание одухотворяется тоской.

Желание материализует тоску...

Кто знает, может тотальность переживания Саудаде, имея в своих корнях печаль проигранной Конкисты, почти вечную и кро-

вавую Реконкисту, разочарование от невозможности найти Царство Пресвитера Иоанна... в конечном счёте привело к Лиссабонскому Землетрясению...

Первый наш перелёт закончен. Посадка. Брюссель.
Далее предстоит ночь в аэропорту и перелёт до Лиссабона.

К бесконечному португальскому Saudade.

5) ПОРТУГАЛИЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ.

Временем, когда эссенция Португалии наиболее концентрированно выразилась, стало правление Ависской Династии.

Упокоены Цари упомянутой Династии в Монастыре Баталья, построенном первым Королём оной в ознаменование Победы над врагом. История всего этого вполне волшебна, как и полон чар закат Ависских Царей...

Началась Династия с Короля Жуана Первого Доброго (1357–1433), он чародейно, во вспоможении мистическом Пресвятой Девы поправил врага и так же дивно возвёл прекрасный Монастырь.

Сказка и Миф связаны также с закатом этой Династии, с правлением, действиями и исчезновением Дона Себастьяна (1554–1578...).

Ависская Династия изливается из пространства и силы одноимённого Рыцарского Ордена, связанного с Эворой.

Характерен Герб: зелёный процветший Крест, который сменяет Герб Бургундской Династии (в Серебряном щите Лазуревый Крест). Сие знаменательное событие означает полное развёртывание новой пневматологии, собственно, лузитанской, португальской: именно в этот период происходят самые значимые события Португальского Мифа, включая Великие Географические Открытия.

Изумрудный цвет Креста, его срединность, лилиевидные окончания, символизирующие subtilность высокого Благородства, отражают главные особенности Логоса Ависской Португалии. Именно в этом периоде имеет смысл искать всё самое сущностное. Герметическая специфика Португалии проступает весьма откровенно...

Король Себастьян становится неким португальским соборным Символом, а его возвращение ожидается как метафизический акт разрешения Saudade...

Воспользуемся достаточно большой цитатой из книги О. И. Варьяш и А. П. Черных «Португалия: дороги истории», дабы представить себе как именно рисует позитивистская историография судьбу Короля Себастьяна:

«Эпоха самого Себастьяна, вступившего на престол в возрасте 14 лет и лишь на первых порах допускавшего вмешательство умудренной Катарины в дела управления, не богата событиями. В 1559 г. в Эворе возник университет, в 1572 г. вышли из печати «Лузиады» Камозенса, посвященные дону Себастьяну; начало причинять беспокойство английское и французское пиратство... Огромная империя требовала человеческих и денежных ресурсов, а исправно поставляемые в метрополию золото, рабы, черное дерево и другие богатства уходили как вода в песок.

Дон Себастьян, наследник Ависского трона и внук Карла V, императора «Священной римской империи» и испанского короля, воспитанный в почитании лишь святой веры и величия Португалии, взойдя на престол, мечтал о преумножении силы португальского оружия и обретении славы государя и полководца. Пытаясь возродить старинные традиции, он воображал себя одним из древних королей, много путешествовал по стране верхом, окруженный придворными и министрами, устраивал турниры, в которых участвовал и сам.

Странности характера честолюбивого Себастьяна толкали его иногда на необычные поступки. Летом 1569 г., когда в Лиссабоне бушевала чума, он приехал в старинный монастырь Алкобаса. Ему пришло в голову вскрыть находившиеся там захоронения королей – его предшественников на португальском троне, и никто не осмелился возразить столь мрачной любознательности. Останки гиганта Афонсу III произвели сильное впечатление на Себастьяна, особенно чтившего его за отвоевание Алгарве. К останкам Афонсу II он остался безразличным, ибо тот ничего не прибавил к своим владениям. Могила короля Педру и Инес де Кастро оказалось невозможно вскрыть без того, чтобы не повредить ее тончайшей работы убранство, и Себастьян приказал не трогать ее. Позднее в монастыре Баталья Себастьян приказал

вскрыть захоронение Жоана II и с ужасом и восхищением созерцал неразложившийся труп и казавшиеся нетронутыми одежды...

Вероятно, именно в эти годы мечта о славе государя и стала воплощаться у Себастьяна в планы вторжения на африканскую территорию. Он предался им с тем большим пылом, что другие государственные затеи не увенчались успехом. Среди многочисленных матримониальных замыслов доны Катарины был и почти слаженный договор о браке с принцессой Маргаритой Валуа, знаменитой впоследствии королевой Франции. Но эти планы разстроились, не без участия португальских медиков, не рекомендовавших спешить с женитьбой из-за якобы слабого здоровья короля. Спустя некоторое время, 18 августа 1572 г., в Париже отпраздновали бракосочетание Маргариты с молодым Беарнцем, наваррским королем, будущим Генрихом IV.

Историки, надо полагать, еще долго будут спорить о причинах, заставивших молодого португальского короля устремиться в бесплодные просторы Северной Африки. Объяснения кроются и в экономических затруднениях Португалии, и в политических притязаниях королевства, и в дипломатических комбинациях... К этому нужно добавить и общее настроение португальцев, пронизанное неудовлетворенностью существующим положением. Но нет сомнения в том, что личность самого дон Себастьяна и его устремления сыграли в этом огромную роль. Все изъяны воспитания, наложившиеся на причудливый склад его натуры, нелады с бабкой, доной Катариной, неудачи матримониальных планов, желание поразить мир доблестью и отвагой – все это слилось в единую мечту об африканском военном походе, мечту, осуществление которой должно было поставить Себастьяна в один ряд с самыми выдающимися государями Лузитанского королевства.

Уже в 1571 г. под влиянием успехов Лушна де Атаиде Себастьян вознамерился отправиться на подвиги в Индию, и от этого его смог отговорить лишь дядя – старый кардинал Энрике.

Цель африканского предприятия была грандиозна, хотя и неопределенна: расширить границы Португалии, основать великую

империю на севере Африки, победами католического войска противодействовать успехам гугенотов и лютеран. Мысленно Себастьян из государя второй половины XVI в., которому надлежало быть проницательным и дальновидным, перевоплотился в паладина рыцарских романов.

На некоторое время Себастьяна отвлекла идея антитурецкой Лиги, но перспектива делить славу с другими полководцами и не иметь возможности единолично влиять на ход событий заставила его отказаться от этих намерений и вновь обратиться к подготовке африканского похода. Впервые Себастьян побывал в Марокко в 1574 г. Раздосадованный неполадками, возникшими в этой первой очень плохо подготовленной экспедиции, король лично отредактировал представленную ему реляцию о походе. Этот документ рисует потомкам живой портрет дона Себастьяна, являя тщеславие в поведении, немалую самонадеянность в области военных знаний и мореходного дела, демонстрирует самолюбивого и гордого человека, мало способного отвлечься от собственной личности при изложении дела. Возвратясь, он активно продолжал готовить новую экспедицию, приближая будущие трагические события.

После возвращения короля из Танжера искушенные придворные мгновенно отметили, что благоволение Себастьяна снискали четыре кавалейру, особенно воодушевленные идеями короля и с энтузиазмом принимавшие его замыслы и предприятия. Это, надо полагать, сильно отличалось от точки зрения прежнего ближайшего окружения, у которого африканские прожекты короля не встречали поддержки. Теперь вопрос был решен.

Готовясь к африканскому походу, Себастьян объявил о решительном намерении связать себя наконец узами брака. Это было не безразлично для судеб королевства, ибо касалось престолонаследия. В супруги предполагалось взять испанскую инфанту. В Мадрид с миссией был отправлен Педру де Алкасова. Встречаясь и ведя переговоры с герцогом Альбой, он и не подозревал, что говорит с человеком, который спустя несколько лет после ги-

бели дона Себастьяна войдет во главе войска в Португалию и покорит ее испанской короне. Кроме матримониальных дел на переговорах обсуждалась и возможность войны в Африке. Филипп II согласился встретиться с Себастьяном в Гуадалупе.

К этому времени Себастьяну исполнилось 22 года. Современники так описывают его: среднего роста, физически очень сильный, он мог легко обуздать коня, прекрасно владел боевым копьем. При ходьбе он слегка прихрамывал, едва заметно отклоняясь корпусом в левую сторону, однако, таким образом, что это не уродовало ни его облика, ни походки. Несмотря на тяжелую болезнь, перенесенную в детстве, внешне Себастьян производил впечатление вполне здорового человека, в избытке наделенного силой, иногда доходившей до грубости. Голубоглазый, с рыжеватыми волосами, он имел обычно вид не только серьезный, но преимущественно горделивый, даже заносчивый. Он был человеком, не привыкшим и не умевшим скрывать свои привязанности и антипатии. Всем поведением и внешним видом он демонстрировал наличие австрийской крови в жилах потомка португальских монархов. Привыкнув с малых лет подчинять себе окружающих, не встречая преград своему стремлению к господству, он, по свидетельствам, был убежден в том, что предназначен судьбой к высоким деяниям, которые сделают бессмертным его имя.

Таким предстал король Себастьян перед Филиппом II. На встрече в Гуадалупе испанский король согласился предоставить Португалии помощь, но только для военных действий на побережье Африки, и войско в 15 тыс. солдат, в том числе 6 тыс. немцев и 2 тыс. итальянцев, которое должен был оплатить Себастьян, и 5 тыс. испанцев, за которых платит Филипп, а также всяческое снабжение и снаряжение войск. Эта помощь могла быть оказана лишь в том случае, если не возникнет опасности со стороны турок или где-либо еще во владениях испанского короля.

Кроме того Себастьяну была обещана рука инфанты доньи Исабель по достижении ею брачного возраста.

Возможно, что именно эта обнадежившая Себастьяна встреча в Гуадалупе стала роковой в его судьбе. Испанскому королю приписывают фразу, якобы оброненную им вслед удалявшемуся Себастьяну: «Если он победит – мы приобретем славного зятя, если будет побежден – королевство». Трудно судить о подлинных чувствах Филиппа II, но не стоит искать в нем корыстные устремления в отношении португальского королевства. Есть свидетельства, что Филипп был озабочен тем, как бы отговорить племянника от задуманной авантюры. Но после торжественного возвращения Себастьяна в Лиссабон со всех сторон только и слышалось о будущих победах короля над неверными и африканских завоеваниях.

Снаряжение экспедиции требовало огромных средств. По договору с папой Григорием XIII для подготовки экспедиции, объявленной крестовым походом, королю была передана в 1576 г. треть всех доходов церкви в Португалии, хотя это вызвало возражения клира, считавшего, что африканская война вызвана не необходимостью, а прихотью короля. О протестах народа по поводу сбора этих средств ничего не известно, хотя Себастьян приказал провести перепись всего недвижимого имущества, забрал деньги из фонда сирот, выкупные деньги, ввел новые налоги. У прелатов, знати, коммерсантов и крупнейших городов король требовал «добровольных» взносов.

Ввиду недостатка денег Себастьян сделал крупный иностранный заем у Конрада Ротта из Аугсбурга – 400 тыс. крузadu на условиях 8%. Большая сумма была получена и от «новых христиан», которые после долгих переговоров согласились дать заем в 240 тыс. крузadu в обмен на десятилетнюю отсрочку конфискации имущества осужденных инквизицией.

Бывший регент кардинал Энрике был весьма недоволен действиями племянника и жаловался в Рим, но безуспешно.

Мысль о том, что ресурсы Португалии ныне явно недостаточны для ведения такой заморской войны, не могла остановить Себастьяна.

Ускорила экспедицию необходимость оказать помощь бывшему берберскому султану Мулай Мухаммад аль-Му-таваккилю, известному европейцам как Шариф, лишенному в 1575 г. трона своим братом Мулай Абд-аль-Маликом.

Тем временем Филипп II отказался от своих обещаний, сославшись на оговорку в Гуадалупском соглашении и события во Фландрии. Может быть, ему стали известны тайные переговоры Себастьяна о браке в отношении Франчески Медичи с ее богатым приданым? Может быть, он не питал больше надежд на то, что Себастьян откажется от этой бесполезной затеи? Истинные мотивы его поступка остаются для нас загадкой.

Филипп настаивал, чтобы поход был отложен, ставя это условием предоставления помощи, но 6 декабря 1577 г. Себастьян сообщил испанскому послу о намерении лично возглавить поход. О том же он сухо уведомил Филиппа и герцога Альбу.

Дона Катарина, успев благословить внука, умерла в возрасте 71 года. После этого единственным человеком, к чьему мнению немного прислушивался король, остался кардинал Энрике. Решение Себастьяна самому руководить войсками не вызвало у старого кардинала ничего, кроме возражений. Пытались возражать и лиссабонские должностные лица, явившиеся во дворец.

В конце концов Себастьян во гневе созвал знать и высший клир королевства и публично объявил о своем намерении руководить кампанией.

Вопрос о замещении трона в связи с отсутствием короля единогласно был решен в пользу кардинала Энрике. Однако возраст и сан кардинала не позволяли быть спокойным за судьбу престола. Себастьян же отказался возвращаться к столь деликатному вопросу и оставил его нерешенным.

От испанского короля между тем прибыло 2800 немцев, голландцев и валлонцев. Они пришли как типичные наемники – с обозом и женщинами. Кроме того, выяснилось, что многие из них

были кальвинистами и лютеранами. Все это вызвало недовольство в Лиссабоне.

От папы римского прибыло 600 итальянских солдат под командой англичанина. Подошел и кастильский контингент – 1600 человек.

Из португальских войск Себастьян имел конный полк – 1400 всадников, отборные сыновья дворянских родов, и 4 полка пехоты из разных провинций королевства, в каждом по 3000 человек (к этому надо добавить приблизительно тысячу воинов Шарифа и около тысячи всадников из Танжера и Арсилы, которые присоединились к войску в Африке).

В ожидании отправки войска были расквартированы неподалеку от Лиссабона. В плохо снаряженном войске не хватало оружия. Заметно было отсутствие организованности и дисциплины. Итальянцы настолько отличались в скандальных поступках, что их капитаны были посажены в тюрьму. Часто драки принимали характер настоящих сражений, например стычка немцев с португальцами на площади Боа-Вишта, столкновение между португальцами и испанцами на площади Россиу, стоившее жизни четверым испанцам. Это вынудило короля запретить схватки под страхом смертной казни. День ото дня нарастали сложности с выплатой солдатам жалованья.

Подготовка африканской кампании, разумеется, не могла укрыться ни от кого. Абд-аль-Малик, чтобы избежать войны, обратился к обоим пиренейским монархам, готовый на уступки части своих земель Португалии и соглашаясь на переговоры с доверенными лицами португальского короля. Дон Себастьян, разумеется, отказался.

Рано утром 14 июня 1578 г. в присутствии высшей знати, окруженной многочисленными слугами в одеждах цвета гербов их señоров, архиепископ благословил королевское знамя. Началась погрузка, продолжавшаяся до 25 июня.

Отплытие из Лиссабона превратилось во всеобщий праздник, полный роскоши и великолепия. Армада насчитывала до полутысячи парусников. На борту кораблей, помимо военных, были представитель папы римского, исповедник короля, епископ Порту и много клириков разных орденов, отправившихся обращать неверных. Были представители юстиции и поэт Дьюгу Бернардеш.

По дороге флот заходил в Лагуш, затем в Кадис. На рассвете 7 июля войско Себастьяна прибыло в Танжер.

Из Танжера Себастьян решил двигаться прямо в Аль-касер-Кибир (совр. Эль-Ксар-эль-Кебир) и захватить его. За это время флот должен был подойти к Ларашу и атаковать его с моря, а Себастьян со своим войском, оставив Алькасер-Кибир позади, окружить Лараш с суши. Король, излагая этот план на военном совете, ожидал одобрения. Большинство присутствовавших, опытные придворные заглушили в себе голос военного опыта. Только полковник алентежанского полка Башку да Силвейра не сумел промолчать. Он заговорил об опасности сухопутного похода, о трудностях завоевания города с большим населением. Полковник напомнил, что даже незначительное сопротивление противника неизбежно задержит войско на более длительное время, чем это позволяют запасы воды и пищи, и голод вынудит португальцев к отступлению. Он предложил сначала взять Лараш, обеспечив этим бесперебойное снабжение армии, а затем помышлять о взятии Алькасер-Кибира.

Но он не был услышан.

Выступление назначили на 29 июля. Припасами загрузили 500 повозок, из них: 100 везли хлебные припасы, рассчитанные на шесть дней; 20 были под фуражом, порохом, свинцом и прочими боеприпасами; 40 выделили под бочонки с водой. Часть повозок везла серебряные и медные деньги, походный алтарь, прочее имущество. Вместе с принадлежавшими фидалгу и прочим сеньорам в обозе У насчитывалось около 1120 повозок.

На всем пути следования войско сопровождали трудности и лишения. Опасения полковника из Алентежу оправдались полностью, но последствия оказались еще более ужасными и губительными. С самого начала пища и питье были очень скудны. Нависла угроза голода. Пересохшие в это время года реки не оставляли надежды на воду.

На чрезвычайном совете Себастьян вынужден был согласиться на возвращение в Арсилу. В ту же ночь, не теряя ни минуты, в Арсилу помчались конники, чтобы задержать флот, и прибыли туда утром 31 июля. На их беду накануне вечером армада вышла в море, взяв курс на Лараш.

Это известие повергло всех в отчаяние, которое не коснулось лишь Себастьяна, жаждавшего встречи с противником.

Наступило 4 августа 1578 г.

Уже в первые часы утра стало заметным движение в обоих лагерях. Португальские подразделения заняли позиции. Мусульманское войско, отличавшееся высокой дисциплиной и превосходившее по численности армию Себастьяна примерно вдвое, тоже построилось в боевые порядки.

Гул арабских пушек заставил содрогнуться окрестные равнины, и первые залпы нанесли ощутимые потери португальскому войску. Дон Себастьян в сверкающих доспехах с мечом в руках объехал войско и сказал краткую речь. За ней последовала молитва. Все огромное войско коленопреклоненно молилось на том поле, где спустя несколько часов многие из них полегли навечно.

Полумесяц маврской конницы начал атаку. Не приняв никаких мер предосторожности, Себастьян вступил в бой. Спустя самое малое время битва уже кипела и все поле заполнилось криками сражающихся, стуком щитов, лязгом доспехов и звоном оружия. Войско Себастьяна сражалось с такой неистовостью и упорством, тесня вражескую кавалерию, что был момент, когда показалось —

португальцы близки к победе. Это было в тот миг, когда погиб Абд-аль-Малик.

Но военное счастье отвернулось от португальцев. Всадники арабов сильным ударом обрушились на арьергард, потрепав испанскую и португальскую конницу, и тем начали ужасный разгром христианского войска. Непривычка к боевым действиям португальских солдат, набранных из деревень, несогласованные действия фидалгу, слабость иноземных наемников привели к тому, что меньше чем через час поле битвы превратилось в сплошную массу конских и человеческих тел, доспехов и оружия. Почувствовав близость победы, арабы удвоили усилия.

Король Себастьян в измятых и залитых кровью доспехах не покидал поля боя; под ним трижды меняли лошадь. Вокруг него становилось все меньше приближенных. На предложения спастись он отвечал отказом. Последнее, что видели, – он бросился с мечом в руке навстречу маврам. О дальнейшей его судьбе достоверно ничего не известно.

Поражение было сокрушительным. Погибло до 6 тыс. человек со стороны мавров, 7-8 тыс. – со стороны христиан. Тысячи оказались в плену, в том числе такие знатные сеньоры, как граф де Барселуш, Антониу приор Крату, посол Испании и многие другие, за кого впоследствии были выплачены немалые выкупы.

Всех волновало, что же стало с португальским королем? Одни говорили, что он спасся, переплыв на противоположный берег реки, другие, что он мертв; один из приближенных утверждал, будто опознал его среди раздетых и ограбленных мертвых тел. Доставленный в лагерь арабов по приказу их нового правителя труп имел пять ран на голове и множество на теле. Пролежав не меньше суток на жаре, он уже тогда был плохо опознаваем, и это тоже способствовало впоследствии распространению слухов и легенд.

Найденное тело, одетое португальскими пленными, было передано им, а затем хранилось в Алькасер-Кибире до тех пор, пока

осенью 1578 г. Филипп II не договорился о его выдаче. Сначала тело было перевезено в Сеуту и помещено в капеллу Сантьяго в церкви Троицы, а затем перенесено в главную часовню кафедрального собора. Но и здесь эти останки не обрели покоя: в 1582 г. Филипп II приказал перенести их в Лиссабон, так как исчезновение короля на поле боя, невозвращение его тела в Португалию породило множество легенд и надежд на то, что он остался жив, тем более что возвращение спустя годы из продолжительных и опаснейших путешествий для народа-мореплавателя не было в диковинку. Но к этому времени у Филиппа уже были особые причины желать, чтобы мертвый Себастьян все же вернулся раз и навсегда, и 11 декабря траурный кортеж прибыл в столицу, где состоялось захоронение в капелле церкви Санта-Мария де Белем.

Весть о разгроме португальских войск в Африке дошла до Португалии 10 августа, а 11-го было получено официальное уведомление из Суэты. Разгром такого масштаба, полная потеря армии были ни с чем не сравнимы. Вести, передаваемые из уст в уста, создавали ощущение катастрофы.

Правление страной было вручено кардиналу Энрике до получения точных известий о судьбе короля, а 24 августа пришли письма, подтверждавшие гибель короля и армии, что и было объявлено публично. Судьба трона Ависского магистра стала незавидной, так как среди реальных законных наследников выделялась и фигура могущественного претендента – Филиппа II Испанского.

В африканских крепостях и фортах все были потрясены случившимся. В этой обстановке появление неких молодых фидалгу, спасшихся с поля боя и просивших в Арсиле отправить их в Португалию, наряду с той таинственностью и предосторожностями, с которыми они были приняты на борт галеона «Сан-Мартин», стало еще одним компонентом в рождении легенды о пропавшем короле Себастьяне.

Вплоть до того момента, как Себастьян поскакал с обнаженным мечом навстречу врагам, речь шла о подлинных событиях из

жизни этого короля. Дальнейшее принадлежит легенде. Амбиции этого человека и его притязания на бессмертие были погребены в африканских песках. Но его трагическая неудача и гибель стали его бессмертием. Этот недалековидный и немудрый король возродился в легенде о «Сокровенном» короле Себастьяне, и его имя стало одним из самых знаменитых среди имен португальских королей.

Едва португальский флот достиг Лиссабона, как весть о чудесном спасении «Сокровенного» короля начала быстро распространяться по стране. Вера в то, что дон Себастьян не мертв, обретала все новых приверженцев не только в простом народе, но и среди знати и клира. Особенно актуальна она стала после смерти старого кардинала, пережившего племянника меньше, чем на два года, и не назначившего себе преемника, когда перед Португалией встал вопрос о престолонаследии.

Несмотря на сопротивление португальцев и попытки некоторых из знати захватить опустевший трон, Филипп II подкрепил свои законные притязания вводом в Португалию 20-тысячной армии под командованием известного герцога Альбы. В 1581 г. португальские кортесы в городе Томаре провозгласили Филиппа II королем Португалии и согласились войти в состав Испании на условиях определенной автономии. С этого времени на 60 лет Португалия лишилась суверенитета.

В этой ситуации легенда о Себастьяне приобрела черты патристического мифа. Суть легенды состояла в том, что Себастьян жив, тайно вербует сторонников, и главное, возвратится. В легенде угадывались явные черты сопротивления иностранному владычеству.

Себастьянисты полагали, что милость божья уберегла короля и сохранила его в тайном месте, на пустынном острове, откуда он вернется, чтобы освободить Португалию от чужеземцев. Верили, что возвращение короля будет предзнаменовано сверхъестественными событиями, что основывалось на давно имевших хождение сочинениях некоего Бандарры, башмачника из Транкозу.

Они приобрели большую популярность и не раз осуждались инквизицией.

В одном из вариантов легенды рассказывалось, что короля держат в плену в Марокко, в другом – что испанцы заточили его в темницу. Для последней версии имелись исторические основания, ибо именно так поступил король Кастилии в конце XIV в. с одним из возможных претендентов на португальский престол, с сыном короля Педру и Инес де Кастро. А позже, в XVII в., такую судьбу испытал один из отпрысков Браганского дома, не помышлявший о престоле, но тем не менее захваченный по наущению Филиппа IV и окончивший свои дни в темнице. Образ этого томящегося в тюрьме принца стал нарицательным в Европе.

Народное сознание вносило в легенду элементы народной утопии, «новые христиане» наполняли ее содержание характерным мессианизмом, образованные клирики, вроде Антониу Виейры, связывали с ней мечты о «пятой империи», но все сходилось в одном – с возвращением Себастьяна связано возрождение страны и счастье ее народа. Во всяком случае, жизнь легенде была определена долгая».

(...)

«Историки и преклонялись перед славной памятью короля Себастьяна, и обвиняли его, возлагая на него ответственность за исторические судьбы страны. Споры нет, политика Себастьяна ускорила падение Португалии, усугубила его династическим кризисом, но винить во всем недолгое правление юного короля было бы несправедливо.

Огромная колониальная империя стала высасывать живые силы маленькой метрополии, роскошь привозимых колониальных диковин заслоняла от глаз обнищание страны. А Себастьян – Себастьян был, надо полагать, во многом точным воплощением своей эпохи. С этим государем, замыкающим великолепную галерею деятелей ависской Португалии, не только пришел в упадок один из самых замечательных королевских домов Европы XIV–

XVI вв., но и оказалась заросшей и затерянной одна из возможных дорог португальской истории».

Конечно, читать такие длинные и скучные цитаты весьма муторно, особенно, имея в виду попытки авторов описать предполагаемую мотивацию Короля при крайне скептическом их отношении к Священному, а также – в целом, предвзятости к Царскому Опусу и тотальному непониманию сути внутренних жестов королевских Существ, тем не менее, всё-таки, один раз стоит прочесть, чтобы уяснить вереницу событий и контекстуальное их описание. Ведь Дон Себастьян – это главный ключ к Португальской тайне.

В завершение этой главы, приведём перевод стихотворения Фернандо Пессоа, посвящённого ожиданию Дона Себастьяна и тем самым немного подготовимся к герметике Истинного воззрения на Лузитанию:

«ПОСЛЕДНЯЯ КАРАВЕЛЛА».

Священной волей Дона Себастьяна
Взвивая над простором океана
Имперский флаг
И не внимая пению и пеням,
Навстречу дымке и навстречу теням
Ты шла во мрак.

И не вернулась. У какого порта
Лежишь ты ныне, тиною затерта,
В какой стране?
Уже давно Грядущее не с нами,
Его же отблеск сумрачными снами
Летит ко мне.

Чем горше доля славы нашей прежней,
Тем в сердце и мятежней, и безбрежней
Моя мечта.
В ее морях, вне времени и меры,

Но силою неистребимой веры
Плывут суда.

Когда, не знаю; знаю, что когда-то,
Случайно глядя в сторону заката,
Увижу, как
Ты выплыла из пены точно та же,
И та же дымка вьется в такелаже,
И бьется – флаг.

(перевод Г. Зельдовича)

Опять и снова, всё та же Саудаде.
Saudade: чистая печаль апофатического узнавания, то есть –
девственная Чистота.
Она и есть корень Рыцарского Благородства.

6) В ПОРТУГАЛИЮ.

Ночь ожидания в брюссельском аэропорту длинна. Но и она когда-то кончится.

Тихою птицею прилетает ещё одно стихотворение Фернандо Пессоа:

«ДЫМКА».

Растаяла дымка сквозная,
След облака в небе пустом,
Ничто не вернется, я знаю,
Но плачу совсем не о том.

Гнетет мою душу иное,
А если чего-то и жаль —
Виной облака надо мною, —
Следы в нелюдимую даль.

Они чем-то схожи с печалью,
И сходство печалит меня —
И смутной тоске я вручаю
Кипучие горести дня.

Но то, что гнетет нарастая,
И плачет всему вопреки,
Живет выше облачной стаи,
Почти за пределом тоски.

Я даже не знаю, дано ли
Душе разгадать эту суть,
И силюсь поверхностью боли
Ее глубину обмануть.

Не будет назад мне возврата,
Не станет за мною следа,

И все же спешу я куда-то,
Не зная зачем и куда.

Опять не дождавшись ответа,
Не в силах порвать эту связь,
Вослед за смеющимся ветром
Я сам улетаю, смеясь.

(перевод: Константин Никольский)

Понятно, что перевод, всё-таки урезает живое дыхание стиха. И, тем не менее, что-то да остаётся.

Ступить на Камино Португез не так-то просто: необходимо пропитаться лузитанским настроением и погрузить в водоём души белые лилии таких ритмов.

Трагическая судьба Ордена Тамплиеров прямо отсылает к Saudade. Пресветлая печаль последнего горизонта, будучи своеобразной мукой по всецелой Завершённости, хотя и переживается не поверхностно-позитивно, однако оказывает исцеляющее апофатическое воздействие на душу. Правда, дабы принять такое лечение от избытка энергийного аспекта, прелести, душа должна быть тонко чувствительной к тишайшему разговору небес, что невозможно вне Опуса искреннего самоумаления.

Ещё один стишок Фернандо Пессоа в довольно простых и, даже, несколько примитивных строках, тонирует эту самую душу хотя бы на начала сочувственной практики особого рода:

Крест на лавке табачной – знакома примета!
Значит, умер сам Алвес, которого я
мельком видел не раз и зимою и летом,
и мой город не тот уже с этого дня.

Жил себе человек, а теперь его нету,
распростился с добром, никого не виня,
очень грустно мне стало, что песенка спета...
И мой город не тот уже с этого дня.

И хотя в его лавке я не брал сигареты,
в жизни точкой отсчета он был для меня,
а сегодня вдруг вижу, что песенка спета...
И мой город не тот уже с этого дня.

Смерть за дверью считает венки и букеты,
но совсем не она так печалит меня,
очень страшно, что заперта лавка вот эта
и мой город не тот уже с этого дня.

Да, он был на виду в переулочке этом,
я ж безвестно живу здесь, судьбу не кляня,
а умру, то навряд ли подумают где-то,
что мой город не тот уже с этого дня.

(перевод: Шмаков Г.)

Вроде бы банальные строки лопают пузырь приватизированной жизни, а значит, и украденного для эгоистических нужд, бога. И такой бог уже ни в коем случае не Бог...

После такого рода гомеопатий, в корне по-иному созерцается фигура Дона Себастьяна: становится даже неудобно и стыдно читать категоричные фразы цитированного ранее отрывка из книги историков. Проступают иные системы координат в деле оценки и ощущения Пропавшего/Исчезнувшего Царя. Понимаешь, ощущаешь: **ПРОНЗИТЕЛЬНО**.

До слезы, падающей на зеркало стального меча. До грустной улыбки, отражённой в небе доспехов.

Пустота, Утрата и зияющая незавершённость... всё это, предположительно, обладает способностью расколдовать оператора от усталости собою, своей лже-структурой и от скучной определённости судьбы выгодными сюжетами мещанского быта.

Дон Себастьян оказывается и отцом, и другом, и сыном – все они, вместе с самим Рыцарством, утрачены. Потеряны на поле битвы.

Экономические реалии и политические приоритеты не властны своими оценками в измерении, где сверкают мечи и где доспехи обагрены кровью.

Русский язык, слова «Монах» и «Монарх» рисует с разницей в одну огненную букву. Отрешённость в их сути одна и та же.

Ещё один стих Фернандо Пессоа обучает любить во вкусе Саудаде:

10-й СОНЕТ ИЗ ЦИКЛА «КРЕСТНЫЙ ПУТЬ».

Из вечности, где некогда блуждала,
 Пришла ко мне вот эта жизнь. И странно
 Из существа, что было первозданно,
 Путём неведомого ритуала
 Из дальних блесков, гаснущих устало,
 Из ностальгии, ноющей, как рана,
 Неясных криков, слышных из тумана,
 Та сущность родилась, что мною стала.
 И в том, что было мною, тучей грозной
 Нависло небо в серой тишине,
 Ложилась ночь, дождлива и беззвёздна...
 Ищу в душе то, что берёт бы свято, –
 Пустыня там, где Бог имел во мне
 Забвенья средоточие когда-то...

(перевод: И. Фещенко-Скворцова)

Понятно, что в таких стихах не столь важны сюжеты, но привкус стали, крови и жасмина после их вкушения. А также, солёно-огромного Океана.

Субтильная Белизна наполняет Лузитанию и легко срывается с кибита поэзии стрелами инспиративно воспринятых слов:

СОНЕТЫ ИЗ ЦИКЛА «КРЕСТНЫЙ ПУТЬ».

I

Забилось время там, где сон продрог,
Где осень на холмах царит печалью,
Расплывшись фиолетовой вуалью...
Чудесный страх души и всех дорог...
Случился тот пейзаж в заветный срок,
И небо лика твоего – эмалью,
На сводах разгорающейся далью
Тона заката шепчут свой урок.
И в крытой монастырской галерее
Экстаз, утишенный спокойной думой,
Дни островов отметивший острее –
Так видят берег с носа каравеллы...
Листвою устлан жухлой, заржавелой
Моей раздвоенности путь угрюмый...

II

Во мне живёт поэт, сказал мне Бог...
Гирлянд в овраги нанесла весна,
В порывах радости сплела она
Их призрачный светящийся клубок.
Луг детства, тот, что помнишь назубок,
На нём звенят таманки дотемна...
Мир без желаний, светлая страна;
Следишь, как час её течёт, глубок...
Соборы Света, все в цветах бульвары,
Нежны и кротки скрипки тишины...
Владенья скуки – непонятной чары...
Опутывают мысли, как тенёта...
Столетия стёрты губкой белизны,
И абрис твой – покоя и полёта...

Это снова стихотворение Фернандо Пессоа. И опять мы обретаем фильтр, subtilный фильтр, на корректную операцию адекватного очищения Ожидания Исчезнувшего Короля. Как бы с другой стороны, с изнанки Святости, от чёрных лилий самопотери, истекает такой стих:

АЛКОГОЛЬ.

Виденья гильотин и пыточных щипцов,
 Снаряды, крепости – печальной вереницей,
 Истерзанный закат, болезненно пунцов,
 Над головой кружит огромной хищной птицей.
 И крылья света бьют, я глохну от ударов,
 А запахи кричат, кричат во мне цвета:
 То вихрь из лезвий, резь в глазах и краснота,
 Кровавый морок чувств от режущих кошмаров.
 Я – часть сияния, я пойман белизной,
 И светом я дышу, откуда он? Бог весть...
 Хочу единства с ним, но исчезаю весь.
 Похоже на свисток призывный в мир иной.
 Колеблется вокруг, чтоб накопью осесть,
 И поиски себя, я вижу, бесполезны.
 Диск золотой в мозгу, он, в самом деле, есть?
 Закрыв глаза, страшусь – неведомого, бездны.
 Какому колдовству себя отдал во власть?
 Весь Ад в моей груди – отравленная пика.
 Но образы плывут в раскинутую снасть,
 Но гениальна боль, разверзшаяся дико..
 Не опиум, о нет, унёс меня в огне,
 Мой алкоголь сильнее, пронзительней и злее:
 Он замещает кровь и к сердцу льнёт, алея,
 Мощь утра так грозна, что сумерки во мне.

Сие даровано пером Мариу де Са-Карнейру и творение это, вообще-то, всё о том же.

Проходя реторты стихов португальских поэтов, согревая их донца собственным неугасимым огнём, сублимируя вослед Святым и Рыцарям, отказываясь от Третьего Искушения, подобно Тамплиерам, готовишься к Камино... ведь уже немного ясно: оно вослед Исчезнувшего Царя.

Португальская Саудаде оказывается причиной обретения и раскрытия тонкого и тончайшего звёздных Огней в испанской Компостеле.

В отношении Саудаде, как впрочем и в других формулах калибровки ясности, мы можем выделить три типа людей.

Первые, «люди тела», обусловлены плотью, а значит, страхом и это становится их главной спецификой. Они, вероятно, не особо распознают Саудаде, воспринимая её, скорее, как некую проблему. Будут тяготиться сим чувством.

Вторые, «люди души», на порядок более тонкой сборки, чем первые, склонны ощущать реальностью мир своих переживаний и чувств. Это, довольно субтильные существа и потому, Саудаде для них прольётся чем-то вроде Фаду. Тем не менее, Смысл им в общем недоступен.

Третьи, «люди прозрачной пневмы» воспримут Саудаде как субтильную плоть Звёздной Дороги; они могут воспарить СКВОЗЬ метафоры и чувства, распознавая духов поимённо...

Три типа: вино, поэзия и трактаты.

Таковы исходные.

Впрочем, порою, сие изменяемо...

Ко времени Царя Себастьяна Португалия уже представляет из себя мощнейшую Империю со множеством колоний и, всё-таки, его тянет в Крестовый Поход. Он направляется на Юг, в Африку, совершая жест уже почти в духе Дон Кихота. Последствия соответственные: Причастие битвой, стремительная атака, португальское войско проигрывает сражение, а Дон Себастьян исчезает. Растворяется. Ависская Династия не оканчивается, но зависает троеточием...

Король Себастьян оказался иглой, которой Саудаде верно и точно проткнула пузырь обыденной жизни: через сие отверстие, мощным потоком, хлынул аромат Синей Розы...

Он рассыпался девственным снегом и кровь другого Короля, протекая из его раны, полученной от тернового куста, на этой Белизне вывела абрис Готического Храма.

Должное свершилось.

Перелёты закончены. Посадка. Лиссабон.

Входные Врата пройдены.

Камино лежит перед нами.

7) ДЕНЬ 1. ЛИССАБОН – АЛКОБАСА – ТОМАР. РОЖДЕНИЕ ТАМПЛЯ.

Сразу после приземления быстро едем на метро до автовокзала и успеваем минута в минуту на автобус до Алкобасы.

Садимся и отправляемся.

Португалия – страна с чётко выраженными двумя центрами, Лиссабоном и Порто. Эти два города являются даже не столицами, но звёздами.

Звезда Юга, Лиссабон.

И – Звезда Севера, Порту. В определённой мере сие напоминает меридиональную структуру Палестины, выстроенной вдоль Иордана. Вот только, там – Мёртвое Море на Юге, а здесь – также на Юге страшнейшее Землетрясение вкупе с цунами разрушило старейший город Европы...

Порту, само название, чем-то созвучно «Порталу», «Вратам». Эта Брама также двойится: она является Шлюзом к Звёздному Полю Сантьяго, а также, сугубо лузитанским выходом в безбрежный Океанос. Последний, у испанцев, всё же несколько иной.

Наш паручасовой переезд завершается и мы попадаем в жар полуденной топки Алкобасы. Купив билеты до Томара, направляемся к Монастырю.

Монастырь Алкобаса, даже если ты уже в нём неоднократно бывал, всегда обманывает своим фасадом, да и экстерьером вообще. Кажется, ну что там такого особенного может быть за этими скучными формами классицизма и похотливыми капризами барокко?

Вход.

Белый Взрыв.

Философский Камень производится: Клуатр собирает самые чистые и разнообразные пневмы, потому он ассоциируется с Райским Садам. Здесь же, на Севере, Фонтан...

Различные операционные помещения, оживленные любящими и пространственными Сердцами Братии, позволяют извлечь

аспекты Растительного Огня снизу и окрасить их Передачей Христовой сверху. Так сплавляется Камень Истины, души прихожан, касаясь его особо, ранее, могли превратиться из свинца в железо, серебро, а иногда и в золото...

Похоже, Монастырь Алкобасы держал в Португалии андрогинную пневму тончайшей Белизны. Формально, сие соответствовало Цистерцианцам (вспомним тихо Святого Бернара Клервского). Потом из этой Белизны проявился Красный Крест усиленной мультипликации: Орден Тамплиеров.

Так наше Камино трепетно и вознесённо вбирает первый Смысл – Девственный Снег.

Сегодня же вечером предстоит следующий логичный шаг – То-мар, Столица Тамплиеров.

Монастырю в Алкобасе мы уже посвящали несколько глав в предыдущей книге «Изначальное Камино»: там изложен базовый массив легенд и мифов, то есть, самое главное.

Остаётся только добавить: Белизна. Нестерпимая тихая Белизна.

Ещё миг – и Король и его Возлюбленная, подброшенные ангелами, полетят навстречу. Она – с Севера, Он – на Север. Они зависнут в Средокрестии.

Да, Апокалипсис.

Страшный Суд.

Глаза в Глаза.

Наитончайшее изойдёт из глаз обоих. Лучи встретятся. Войдут друг в друга. И так будет длиться Вечность.

Самая сокровенная Иерогамия, Венчание исполненных Очей.

Тело, как Око.

И спадут покровы и отойдут пелена: узри, сие происходит уже.

Сие происходило всегда.

Смерть бессильна.

От этого Священного Брака рождается Тамплъ.

Покупаю бутылку Вино Верде и несу её в Храм как бы освятить...

Едем в Томар.

Прибываем уже в сумерках. Докупаем немного еды и садимся к трапезе. Проговариваем Девиз Тампля и приглашаем тени Братьев к оной трапезе... упомянутая бутылка Вино Верде, каким-то странным образом падает и превращается в разбросанную вспышку разбитых стёкол вкупе с кровью Дионисова напитка...

Не страшно.

Может и услышали.

Может и пришли.

Не стоит бояться умерших Тамплиеров, даже если они пришли в гости или внутрь сна. Другим всегда есть чем порадовать друг друга.

Молитвой.

Воззванием.

Стихом...

ФЕРНАНДО ПЕССОА.

13-й СОНЕТ ИЗ ЦИКЛА «КРЁСТНЫЙ ПУТЬ».

Посланец я, но от меня таят
Посланий смысл, и речь моя потоком
Слетает с губ, и мню себя пророком,
И сам как будто надвое разъят...

Я тот, чьи прорицанья свет струят,
И я – ничтожный червь во рву глубоком,
И миссия моя – к людским порокам
Внушает мне презренья грозный яд...

А вдруг умолкнет голос отдалённый,
И сам себя на царство я венчал,
Своей гордыней страшно ослеплённый?

Но ширится высокая тревога,
 Оттуда, из начала всех начал...
 И – вот оно, прикосновение Бога...

(перевод: И. Фещенко-Скворцова)

Saudade.

Опять это слово. Случайный попутчик в автобусе, мужчина за пятьдесят лет, говорит моему спутнику (диалог ведётся на английском), что Саудаде иностранец понять не может в принципе. Мол, сие – дело только лужитан.

Сердце подсказывает, что эти утверждения правда, но бывают редкие исключения. Быть может нам повезёт...

Сон в Томаре. Первый с момента перелёта нормальный сон. Он и трудный, и блаженный; духи толпятся вереницами пред часовней моста онейрического сознания, опытные, пытаются влиться своим упруго-прозрачным присутствием. Под утро, реагируют накопленные напряжения, засыпая проектор снов битой черепицей распределяемых страданий. Снится и возвышенное, и низменное. Всё сплетается в один кулак. Этот кулак пробивает стекло витрины личности, течёт разнообразная кровь (цвета неба, чёрная и красная), сухожилия целы и внутри, в ладони, покоится лепесток белой розы...

Утром, опавшим листом некогда золотоцветой липы, приходит стихотворение Луиса Ортеги, испанца, однако воспитанного и выросшего в СССР и творившего на русском языке, что для нашего дела исключительно ценно, так как проявляет дополнительные благоприятствования для точности и полноты Передачи.

Оставив тела с двойником разлад,
 Отсрочив день и колесо расплаты,
 Переселившись навсегда в осенний сад,
 Я в переулках памяти назад
 Гляжу на вереницы водопадов.

Я муравья сонетом не кормлю,
Оскомина коры по-прежнему верна мне.
Я изучаю трещины на камне,
Я с тенью кипариса говорю,
И дом бездомного мне открывает ставни.

И осень настораживает слух
Лилово-красной раковины сада.
Следы дорог бледнеют листопада,
Стирая с патины камней испуг
Улиток и улыбку дряхлую распада.

И небо вечера отделено от завтра
Чертой кровотокающего резца.
Вода лелеет таинство креста.
И камень, помнящий улыбку динозавра,
Часовню ищет в позвоночнике моста.

Разбросаны знамёнами по стенам
Плащи заката, звездопадов череда.
Ручей смеётся в собственной постели.
Свернулась ночь клубком в пещере дня.
И сон во влаге глаз ещё расстелен
Прозрачной плащаницей бытия.

(4 ноября 1987)

Так нисходит Провидение и восходит искренность вопроса...

8) ДЕНЬ 2. ТОМАР. ТВЕРДЫНЯ ТАМПЛЯ.

... когда заходишь в Монастырь Христа, ты неизбежно покупаешь билет. Он продаётся в небольшой такой постройке с наличием Готических нервюр и краеугольного камня в точке их пересечения.

Так вот, один из четырёх истоков этих самых нервюр представляет из себя каменное лицо. Оно всецело бесстрастно и ясно, что Небесная Твердь исходит из макушки упомянутого оператора...

Паломничество, это всегда, в числе прочего, путь Терпения.

Однако, Терпение терпению рознь.

Существуют различные виды Терпения и их иерархия.

Первое: терпение принуждения. Человек терпит ту или иную боль, потому что не остаётся ничего иного. Это, зачастую, терпение жертвы.

Второе: Терпение Понимания и Воли. Оператор понимает концептуально различные трудности тех или иных контекстов и терпит применяя Волю. Это – Терпение Воина.

Третье: Терпение Любви. Здесь Огонь нездешней Любви сжигает в блаженстве сочувствия и сорадости те, или иные, трудности.

Сие – Терпение Мистика.

Высшее Терпение: Знание. Вообще-то, здесь уже нет Терпения как такового. Ты просто находишься в Высшем Знании, а это всегда означает Лёгкость и Освобождённость. Реагируешь спонтанно, точно и в соответствии с контекстом излучая Благо...

Это – Совершенное Терпение вне терпения, Воля без воли (ибо в Истинной Воле нет и следа воли; любое усилие есть мера ошибки и страдания).

Первый вид терпения разрушителен. Остальные три – всегда присутствуют в Опусе в тех или иных сочетаниях, ведь часто не хватает качества Формулы собственной энергии под высшие виды Опуса...

Томар.

Тамплиерская Столица Португалии. Орден Храма в период его разорения и уничтожения был здесь преобразован в Орден Христа, сохранив свою суть таким образом.

Томар, городок очень маленький. Он тих и уютен, забыт в холмах, но не оставлен Богом.

Ныряя, в который уже раз в его искрящуюся гавань, почему-то опять испытываю тотальную светлую печаль. Она всецелая и вспенивается атлантической волной в районе горла. Она – нежна. И она океанична словно грустные, с искринками озорной веселости, глаза молодой томарской метиски...

Мелодия прощания и свидания, и то, и то – на полувдохе... людям тела как бы проще и ничего такого не понять: у них только впечатления. И они позитивны. Ибо жизнь их конкретно радостна и весела, а похороны находят активное соучастие всего рабочего коллектива и, конечно, дружной семьи.

Есть вещи, которые не описать. На них можно только указать. Аккуратно.

Бережно.

Робко.

Уместно закончить сей небольшой рассказ о Томаре ещё несколькими стихами Пессоа:

Смерть – поворот дороги,
Кто завернул – незрим.
Снова твой шаг далекий
Слился в одно с моим.

Стерты земные грани.
Смертью не обмануть.
Призрачно расставанье.
Подлиннен только путь.

Камино Португез... специфика Океана и Мыса Рока. Тайная Саудаде вечерних сумерек.

Вот ещё один стих упомянутого поэта, называется он «У таинственной двери»:

У таинственной двери
Моего бытия
Бродят птицы и звери –
И взираются, веря,
Будто я – это я.

Полны сонных бездний,
Ни к чему не спеша;
Только я посторонний,
И всех бед неотклонней
Катастрофа – душа.

Рассеивается дрема –
И я счастлив почти;
А смотреть из проема
Хуже всякого слома
И страстного пути.

Оставим Фата Моргану португальской тайны и уйдём в прозрачные сны, сны, которые стелят Камино и ткут его плоть из многочисленных брызг Западного Океана.

9) ДЕНЬ 3. ПОРТУ: СПРЯТАННЫЙ ДРАКОН.

Ночь опять задалась интенсивными снами. Плоть сего ритуала уже прожигал Храм Крестоносцев.

От Белой Белизны Алкобасы в чертоги Красного Равнолучевого Креста...

Утро. Подъем около пяти. Тишина. Томар и его многочисленные коты ещё спят.

Как-то сам собою нисходит стих всё того же Фернандо Пессоа:

Прекрасен день, который сам
Себе же мерой,
Глаза подъямля к небесам
С наивной верой.

Но будет неба синева
Не благостыней,
Пока в глубины естества
Не примешь сини –

И цвет, которым зелены
Холмов уборы,
До самой сердца глубины
Не вникнет в поры.

О ты, несведущий двойник,
Уйди, не мешкай! –
Но не отступит ни на миг,
Глядит с насмешкой,

Что и земля и небеса
Всего родимей
Тому, кто душу отдал за
Слиянье с ними.

Настроение тонко выстраивается и калибруется под Камино Португез. Завтра начало пешего пути.

Вчера, в Конвенту-де-Кришту, покупаю книгу о Рыцарях и Крестоносцах, она на неизвестном мне португальском, однако, множество иллюстраций Гюстава Доре живут на многих её страницах и потому, сей маленький томик великолепен. Этот французский иллюстратор многих книг, в том числе, Библии, в некой классически строгой и, тем не менее, благородно очищенной манере, играл со светом и тенью в основном в режиме гравюры. Его картины создают ощущение некой правильной и уместной опорности, реставрируя дух Европы до двух мировых Войн и чувствуется, что тогда ещё не всё было потеряно. Есть какое-то видение резонанса опусов Густава Доре и Виолле-ле-Дюка...

По мнению многих, большинства, искусствоведов Португалия дала миру довольно мало значимых писателей, поэтов и философов. Поверхностный взгляд на тему сию пролепечет что-то о «сравнительно слабом культурном развитии», более глубокое созерцание укажет на особый Логос Качества и его связь всё с той же Saudade. Страна, похищенная Океаном, живёт в каком-то своём заколдованном мире, в тирсах и во хмелю своих тайных режимов.

Раннее утро.

Идём на вокзал. Тамплиерские кресты на мостовой...

Томар.

Вчера на их фоне довольно собранно сидел большой рыжий кот. Было видно: жизнь у божественной бестии вполне удалась.

Вуаль субливной печали невидимо падает серебряной фольгой на наши плечи. В её шелесте запечатлён Атлантис...

Листаю всё те же стихи Пессоа. Уместным разрешением в предвещии пешего Камино, убранного Пятью Розами Вечного Сентября, приходит стихотворение «Сокровенный»:

Ясная примета

В утренней тени:

На Кресте у Света
Розы – наши дни.

Что нам издалека
Новый день принес?
На Кресте у Рока
Розою – Христос.

Увенчала ж те
В света переменах
На Страстном Кресте
Роза Сокровенных.

(перевод: Зельдович Г.)

К десяти утра мы приезжаем в Порту. Волна более прозрачной и эфемерной печали нисходит серебряно-лазурным бризом.

Здесь, в Северной Столице Лузитании, светлая печаль какая-то освобождённая...

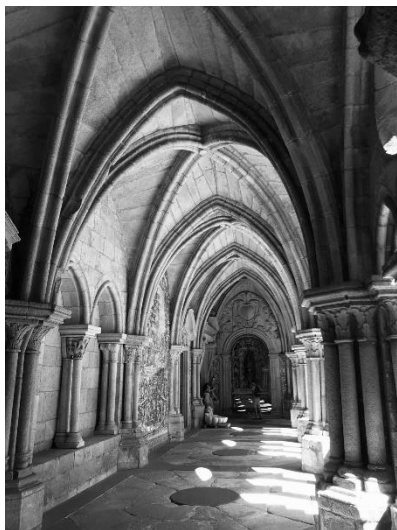
Порешав бытовые дела (заселение, еда и т. п.), идём в Се, Кафедральный Собор Порто.

Снаружи он не особо впечатляет, так как довольно сильно испохаблен классицизмом и барокко.

Но то, что обнаруживается внутри превосходит любого рода ожидания. Суть и масштаб Се точно осознаются в обозрении с Башни: это – Королевский Дракон.

Крест Нефа и Трансепта, Квадрат Готического Клуатра, все они ошестинились драконьими зубцами боевых стен. Ощущение всецело рычащее, находящееся внутри измерения бушующих Ветра и Пламени...

Храм содержит в себе Царскую Передачу, она выражается в архитектуре Готики в Клуатре, два его этажа подобны череде острых рыцарских шлемов с забралом: немота, суровость, аскеза и безыскусность. Романский интерьер Нефов нежен предельной Белизной и его циркульные арки мягко транслируют запредельную Женственность. Получается мощнейшая динамика: Райский

Сад Клуатра соотносим скорее с воинскими аспектами Бога, с Архангелом Михаилом; Храм же излучает девственный Снег Нашей Девы...

Щемящий звук сквозь века...
Ещё один привкус Saudade.

Португалия, хотя и расположена совсем рядом с Испанией, очень сильно отличается от неё. Есть, конечно, множество осей общих, но и разница поражает.

Испания, всё-таки, страна более континентальная, а Португалия, будучи вытянута по меридиану, как бы отражается от Атлантического Океана и, одновременно, от Испании (с которой у неё немало антагонизмов). Получается, Лузитания как бы не вполне от мира сего, что соотносит её с особыми Опусами и в плане пресветлого Прощания, и в плане inferнальных вмешательств...

Дополнительно выстраивает такую структурность фактор двух главных городов Португалии: они также держат строго меридианную ось.

Выходя на Камино Португез, оператор вбирает в себя всю эту специфику и транслирует её в кардинальном направлении: на Север, что, в числе важного и прочего, является противоядием избыточной Катафатике, который немало в Испании. Таким образом, сие Камино, сообщает совершенно особый модус деянию Пилигримажа.

Испания и Португалия в чём-то похожи на двух Всадников на одном Конё с весьма известного герба.

Завтра нам предстоит выход на Тропу. В завершение сей главы, посему, имеет смысл привести некое стихотворение Фернандо Пессоа, посвящённое Кристиану Розенкрейцу. Упомянутого поэта вполне можно считать носителем некой лузитанской Эссенции, а этот стих, возможно, суть самого творчества Пессоа.

УСЫПАЛЬНИЦА КРИСТИАНА РОЗЕНКРЕЙЦА.

Еще не видев тело нашего мудрого Отца, мы отошли в сторону от алтаря и там смогли поднять тяжелую плиту желтого металла, за ней же покоилось лучезарное тело, целое и не тронутое тлением... в руке была маленькая пергаментная книга, писанная золотом и озаглавленная «Т.», которая, после Библии, составляет главное наше сокровище и не передается в руки непосвященных.

Fama Fraternitatis Roseae Crucis.

I. «Когда от жизни пробудит природа...»

Когда от жизни пробудит природа,
Себя поймем и визнаем секрет
Паденья в Тело, этого ухода
Из духа в Ночь, из просветленья в бред, –

О сне земли, о свете небосвода
Прозрим ли Правду после стольких лет?
Увы! душе без проку и свобода,
И даже в Боге этой Правды нет.

И даже Бог явился Божьим сыном:
Святой Адам, он тоже грехопал.
Творитель наш и потому сродни нам,

Он создан был, а Правда отлетела.
Безмолвен Дух, как мировой Провал.
И чужд ей мир, который – Божье Тело.

II. «Однако прежде прозвучало Слово...»

Однако прежде прозвучало Слово,
Утраченное в тот же самый миг,
Когда из Тьмы Предвечный Луч возник,
Угаснувший средь хаоса ночного.

Но сознавая свой превратный лик,
Сама из Тьмы, Душа в себе готова
Узнать сиянье радостного зова,
Распятых Роз таинственный язык.

Хранители небесного порога,
Отправимся искать за гранью Бога
Секрет Магистра: сбросив забытье,

К самим себе очнувшиеся в Слове,
Очищены в неостудимой крови, –
Отсюда к Богу, льющему ее.

III. «Однако здесь, бредя осиротело...»

Однако здесь, бредя осиротело,
Себя сновидим, явь не обретем,
И если сердце Правду разглядело,
То Правда обращается в фантом.

Пустые тени, алчущие тела,
Его найдя, узнаем ли о том,
Пустоты стискивая то и дело
В объятие нашем призрачно-пустом?

Ужель Душа не отомкнет засовы,
Не станет знать, что дверь не заперта,
А только – выйти и пойти на зовы?

Немому и усопшему для плоти,
Но с Книгою в закрытом переплете,
Отцу Магистру явлены врата.

(перевод: Зельдович Г.)

День догорает.

Пронзительно кричат чайки.

Порто скоро уйдёт в ночь, в свою стихию. А пока, его скалы, многочисленные домики и Собор-Дракон, пьют Зелёное Вино Saudade прямо из зияющей трещины вечерних сумерек.

Атлантис втекает в зрачки, исходит из плавно-гипнотических жестов местных котов и зовёт Тебя за горизонт всех горизонтов.

10) ДЕНЬ 4. НАЧАЛО. БАРСЕЛУШ – VITORINO DOS PIAES (ОКОЛО 25 КМ).

Обычно короткое Камино Португез начинают в Порто и заканчивают в Звёздном Поле.

Однако, по ряду причин, мы начинаем не с Порто. С Барселуша.

Потому, просыпаемся в четыре утра и уже в пять на вокзале. Поездом нам предстоит добраться до точки Начала.

Ночь прошла очень интенсивно, происходило множество увязываний, которые, пожалуй, символически можно представить буквой «У»...

В это Камино я взял удивительную книгу и ключ от неё, тоже книгу. Обе они авторства Евгения Головина: «Приближение к Снежной Королеве» («Дверь» или «Тайный Клуатр») и «Ключ» – сборник поэзий «Туманы чёрных лилий».

Дело в том, что в Пилигримаже книга познаётся совсем по-иному, да и само Паломничество, обязательно должно быть освящено высокими смыслами. У Головина их в избытке, ещё и написано всё это с особой любовью к Искусству и к читателям. Книги несущие в бумажном варианте, они прекрасно изданы и приятно тягелят рюкзак. Электронная версия ощущается мною всецело неуместной и даже оскорбительной для таких обстоятельств. Всё-таки, сама форма бумажной книги откровенно напоминает Дверь; каждая страница – тоже Дверь...

А, как известно, через двери входят.

Весьма условно можно выделить, вослед Ареопагитикам, три уровня нахождения в Знании:

- Вульгарный;
- Тонкий;
- Тончайший.

Камино начинается только во втором, Грубый уровень связан исключительно с профанной сферой.

Так или иначе, но современные люди, в основном, собраны в нём. Потому их попытки «войти в религию» просто, напрямую,

практически всегда приводят к чему-то компенсаторному, очень поверхностному, или, в лучшем случае, дисциплинарно-морализаторскому. Толку с этого критически немного.

Истинное Знание предполагает исключительную тонкость в обращении к Нему и не может быть так просто «взято». Его нельзя урвать и приватизировать. Оно не нуждается в пропаганде и навязывании...

Девственный Снег сошёл на долины, на горные луга, сокрыл всяческие резкости, надломы вещей и грязь...

Произведения Евгения Головина тем и замечательны, что уверенно находятся в Тонком уровне, порою вводя даже в Тончайший. Собственно, потому и стоит их или нечто подобное трепетно брать с собой в Камино, открывать пакеты, надёжно защищающие книги от влаги, мягко и по-детски раскованно улыбаться, приветствуя появление в поле зрения обложки, нырять в текст, будто заходить во Храм... этот Корабль, плывущий по Верхним Водам.

Сия особая радость и доступна она subtilно обёрнутым к звёздам, душам.

Пилигримаж всегда начинается от конкретного Храма. И направляется к конкретному Храму.

И его пульсовые точки – конкретные Храмы.

Вот к такому Храму мы и едем.

Ещё совсем темно. Ночь властвует в Порто. Нас провожает огромный кот, точнее, он просто, как гора восседает и никак не реагирует на наши восторги. Позволяет вознести себе почести, что мы с удовольствием и делаем.

Около семи утра приезжаем в Барселуш. Совсем недавно рассвело. Сразу подле вокзала обнаруживаем примечательную статую: два Рыцаря в весьма динамичной позе, один воздевает Меч горе, другой – держит Ключ. Вроде как – памятник неким местным Рыцарям, однако, с аллюзией к Апостолам Петру и Павлу. Это вдохновляет.

Выходим на точку Начала. К 7.30 мы там.

Пред нами – средневековый Мост. За ним – Се Барселуша, это тот Храм от которого мы и пойдём.

Храм закрыт.

Совершаю Воззвание Пилигрима. Призываем Крест Учителей. Камино начато.

В восемь покидаем Барселуш и какими-то пересёлками идём до следующей важной точки, древнего Романского Храма Igreja de Santa Maria de Abade de Neiva, 1152 г. постройки.

Храм великолепен и наглухо закрыт. Только зубчатая Башня прозрачно висит у дороги...

Потом следуют длительные переходы по сельской местности, дороги, пыль, довольно зажиточные хозяйства, всё время. Храмов совсем немного и они все закрыты.

Жара.

Сильная жара.

Мы предпочитаем быструю ходьбу, идёшь, словно висишь, а мир летит мимо Тебя. Привычный перелив мантр. Привычное отсутствие тела.

Время склоняется к полудню. Делаем Подношение Вино Верде, зелёным вином, сразу идти намного легче.

К полудню жара поднимается до 30 по Цельсию, асфальт дороги отражает этот огонь.

Дистанцию проходим в четыре перехода в общей сложности, имея в виду петлю ко второму упомянутому Храму, сделав около 25 километров. Где-то к 15.30 мы на месте. Ждём хозяев. Заселяемся.

В нашем распоряжении большой дом, некая семейная твердыня, просторная белизна дышащих стен, камин, два этажа. Вещей довольно мало, стены украшены чёрно-белыми рисунками крепостей и Храмов. Вокруг дома приятный сад, время от времени приходит крупный кот: он спокойно и плотно присутствует, осматривая всех нас и что-то там определив, полностью проигнорировав наши заигрывания, на мягких лапах достойно удаляется.

Сегодняшнюю дорогу сложно назвать лёгкой: все придорожные Капеллы и Храмы закрыты, да и их было немного. Безлюдная местность тоже отсутствовала и Тропа всё время шла по населёнке.

Такая дорога не столько вдохновляет, сколько создаёт контекст полигона для разнообразных упражнений, а в целом и в общем, являет собою манифестацию Аспекта Жертвы.

Пилигрим жертвует.

Либо просто получается что-то вроде бодрой прогулки по не вполне адекватной для такого рода целей местности...

У каждого – своё. У многих: общая беда.

Камино Португез имеет своё специфическое настроение, наверное, в первую очередь из-за особенностей Духа самой Португалии, во вторую, из-за направления, на Север.

Вечер.

Шум цикад.

Читаю «Приближение к Снежной Королеве»...

Замечательно то, что тексты Головина настолько специфичны и многоплановы, настолько лишены привычной земляной логики, что их очень трудно приватизировать нашему эго в «якобы понимании и для важных цитат» и удобства пользования миром.

Адмирал позволителен в отношении форм полёта всех облаков.

Первый день Камино ныряет в ночь. Закрытые Храмы. Якоря. Корабли. Два Рыцаря, с Мечом и с Ключом.

Рассвет призовет привычным гулом травяного шёпота: на Север.

11) ДЕНЬ 5. В ПОНТИ-ДИ-ЛИМА (ОКОЛО 12 КМ). ДВОЙНИКИ И ВОПРОС МОНОТЕИЗМА.

Соединить несоединимое. Квадрат осязаемого и регистрируемого органами чувств с Кругом Небесного, эфемерного, «не от мира сего». Обычно используют термины «тело» и «душа», в основном, подразумевая противоречия в них.

«Я» и «Не-я», то, что человек представляет сам о себе и то, что видят другие; то, что есть и то, что хочется. Тонкий дубль себя в поле снов и мечтаний и конкретика плоти с её особенностями.

Человек и его ребёнок; дети, как способ ответа на вызов смерти (а есть ли вообще этот вызов, или он сформирован инвариантом мифа?!).

Находиться одновременно в нескольких местах. Разведчик, работающий одновременно на несколько разведок, ещё и ведущий собственную игру...

Человек и «бог», человек и божества, человек и Бог...

Человек и социальная роль. Пол. Он и она.

Фактор земляной наличности и эфемерность акватки, воздуха, не говоря об Огне, три активных и застёжка... (которая бывает и на наручниках).

Автор и его произведения.

Как Вы уже поняли, речь идёт о теме Двойника. Минимум, здесь, это навыки камуфляжа в обществе; середина – особое распределение времени жизни; максима – нечто огненное и структурное, живущее вне ограничения смертью...

Двойник начинается с другого, с зеркального отражения себя, базовая подробная схема подразумевает 24 двойника: по три с восьми сторон...

Португалия.

Измерение Изумрудного Ависского Креста.

Синопль подразумевает и связующую и срединную облачную позицию. Ложно фиксированный монотеизм превращается в концептуальное насилие, убивающее саму жизнь. Единый Принцип,

Единый Бог, вовсе не означает запрет на проявление аспектов, через которые, собственно, Он и дышит.

Испания охвачена была, в том числе, и насильственно моно-теистическим духом, впрочем, сие истекло из тотальности Реконкисты, как некий её осадок. Португалия – место свободного произрастания двойников, она весьма индифферентна к концептуальному насилию и дышит Герметизмом открытых пространств. Здесь легко странствовать с облаками...

Выделение Двойников может быть спонтанным, компенсаторным или конкретно под цель. По сути, любое намерение на будущее, есть неосознанное выделение туда Двойника, потому, «Блаженны нищие духом», в том числе, можно узреть как сообщение тайны о несоздании лишних неконтролируемых Двойников.

С другой стороны, магически выделенные Двойники есть замечательное решения множества вопросов.

В любом случае, выделение Двойников – аспект Щедрости и раскованной Свободы; более того, оный процесс, актуализирует Нерушимую Ось Единого Центра.

По идее, Христианство надёжно защищено от оголтелого монотеизма самим Принципом Троицы. По сути, Христианство, скорее, Тринитаризм, в этом его сугубая специфика и это устраняет жёсткие противоречия двух Заветов.

Попробуем очень осторожно и бережно прикоснуться к Таинству Пресвятой Троицы.

Троица:

- Единосущная: то есть, Эссенция у Нёе одна, Божественность, которая всегда есть равновесие Апофатики и Катафатики.
- Неслиянная: то есть, каждый Её Аспект выражен конкретно; заметим, что Бог-Отец и Бог-Сын представляют Имена мужского начала, Святой Дух, – скорее андрогинный; заметим, женских аспектов в Троице нет.
- Нераздельная: все Три Аспекта не изолированы и не представляют собою оппозиционных Нечто...

Таким образом, Троица превосходит законы логики, Её познание невозможно без возвышенной интуиции и Она никак не может

быть приватизирована гордыней. Если же, всё-таки, бог приватизируется, это значит, что Присутствие Троицы и общительность с Ней утрачена.

Пресвятая Троица разрешает проблему противостояния-разрыва Монотеистического Бога и твари, манифестируя Основы для дальнейших каскадов иерархий, отраженных в Ареопагитиках. Видимо, по сему фактору Ислам и Иудаизм, порою, видят в Христианстве чуть ли не многобожие, впрочем, внутри упомянутых, существуют Суфизм и Каббала, которые близки по своей пневматологии настроению Троицы...

Бог-Сын, Христос, предполагается христианину в качестве всегда-присущего-Двойника, Зеркала-Витража, проводящего поток Света Творца и Сам, Силою Духа Святого являющийся этим Светом...

Христианская Передача исключительно точно вложена в некие Основы:

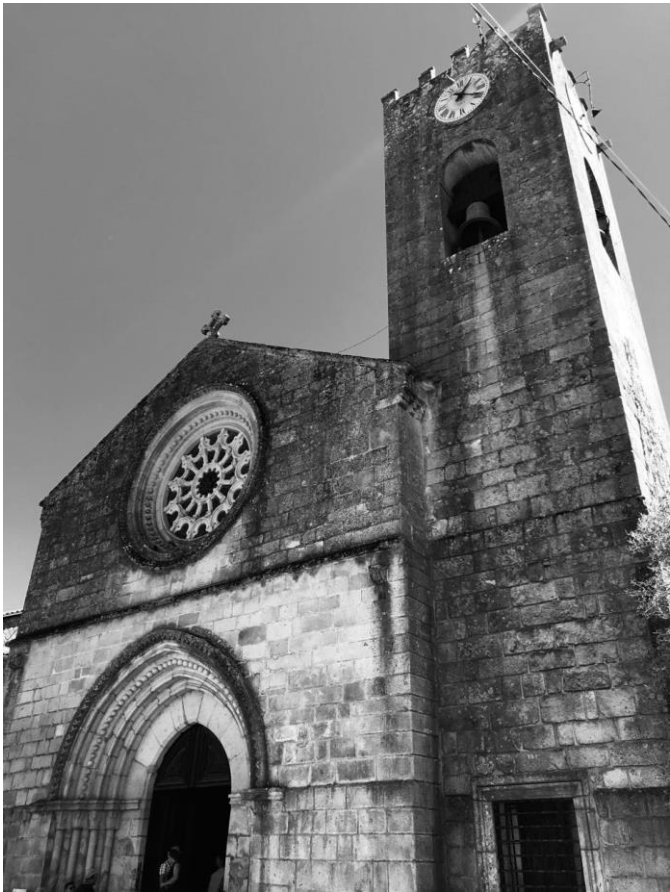
- Единый Бог;
- Апофатика и Катафатика Бога;
- Пресвятая Троица;
- Два Завета;
- Две Природы Христа;
- Четыре Евангелия;
- Апостолы, Двенадцать, Семьдесят;
- Пресвятая Дева...

Просыпаемся мы около шести утра. Быстро собираемся и к 7.30 выходим. Идти нам не особо много, около двенадцати километров. Вообще мы стараемся не делать слишком больших переходов в Пилигримажах, перемещаемся столько и так, чтобы быть на месте где-то к 17 часам максимум. Оставшееся время важно для осознаний, записей, упражнений и чтения книг.

Понятно, что далеко не всегда удаётся так выстроить структуру Паломничества.

Сегодня идём неторопливо, отдыхая в приглянувшихся местах и уже около тринадцати мы на месте.

Город Понти-ди-Лима.

Дорога этого дня поприятнее вчерашней: невысокие горы вдалеке, множество каменных домиков, дорожные гермы со статуэтками Матамороса...

В Понти-ди-Лима, заселившись, идём сразу в Главный Храм. Это – суровое здание, преимущественно с Романскими Формами. Тамплъ достаточно древний и в нём ощущается своеобразное прозрачное висение тихой Святости. Интерьер заполнен различными предметами культа местной версии Католичества. В основном, они чувствуются чрезмерно приторными и потому без содержания.

Город готовится к какому-то местному празднику: массы людей на улицах, суета, ленивая, а подчас и бойкая, торговля...

Говоря о теме Двойников, нельзя не упомянуть о всё том же Фернандо Пессоа, который, наряду с Камозэнсом является наиболее сущностным португальским поэтом.

Он проявил исключительно интересную форму оперативного создания множества различных Двойников, которые, впоследствии получили названное гетеронимов. У Пессоа, по различным оценкам, существовало от 70 до 130 гетеронимов, каждый имел свою биографию, стиль письма, почерк привычек и специфику воззрений.

Приведём довольно обширные цитаты из некой статьи («Фернандо Пессоа: наравне с веком») некоего Concepture про гетеронимы Пессоа:

«Фернандо Пессоа более всего примечателен своими гетеронимами, коих насчитывают около 136. Гетероним – это литературный псевдоним, используемый автором для создания части своих произведений, выделенных по какому-либо признаку. Но в отличие от традиционных литературных псевдонимов, гетеронимы, созданные Пессоа, были автономными индивидуальностями, обладающими собственными чертами характера, вплоть до детального прописывания внешности и фактов биографии. Более того у них была своя философия и стиль письма. Несмотря

на то, что всё это было вымышленным, гетеронимы воспринимались как реальные авторы, благодаря качественному различию между их творчеством и творчеством самого Пессоа».

(...)

«Поскольку заниматься обзором всех 136 гетеронимов Пессоа не представляется возможным, мы остановимся на 3 основных. Их имена: Альберто Казейро, Рикардо Рейс и Альваро де Кампос.

Альберто Казейро

Гетероним, воплощавший поэта буколического направления. Буколика – род литературных произведений, в которых идеализированно описывается сельский быт на лоне природы. Поэтому все стихотворения этого гетеронима написаны в характерной манере:

Из моей деревни глазу
открывается такой простор,
словно из вселенной.
А раз так, то моя деревня не
меньше целой страны,
Значит, и я столь же велик, как
то, что мне видно,
А не такой, как на самом деле...
Просто в городе жизнь ростом
поменьше,
Чем в моем доме, что стоит на
юру.
Здания в городе запирают нам
глаза на ключ,
Скрывают горизонт, застят
небо,
Отнимают у нас то, что дают
нам глаза,
И мы уменьшаемся и беднеем,
потому что видеть –
это наш единственный дар.

Как мы уже отмечали выше, каждый из гетеронимов имел собственную биографию. Вот краткая биографическая справка Альберто Каэйро:

Родился в 1889 году в Лиссабоне, однако большую часть жизни провел в деревне со своей старой тёткой. Образования и профессии не получил. Внешние данные: хрупкий голубоглазый блондин среднего роста. По складу характера: меланхоличный и простодушный. Умер в 1915 там же, где и родился.

Сам Пессоа отзывался о нем так: «Альберто Каэйро – безыскусный поэт чувственных ощущений, видящий вещи только глазами, а не умом».

Рикардо Рейс

Этот гетероним родился в Порто. Годы жизни 1887–1936. По профессии врач. Образование получил в иезуитском колледже, где изучал древнегреческий и латынь. Это предопределило его поэтический стиль. Рейс создавал лирику, стилизованную под античность. Придерживался монархических взглядов, за что был изгнан из Бразилии. В плане внешности являет полную противоположность Каэйро: Рейс смуглый, жилистый, низкого роста. Пессоа характеризует его следующим образом: «Поэт-неоклассик, последователь Горация. Его философия представляет собой сочетание стоицизма и эпикурейства».

С небосвода скрылась упряжка
Феба.

Пыль, что поднялась от копыт
квадриги,
Затянула легкой прозрачной
дымкой
Даль окоема;

Слышится звучанье свирели
Пана, В воздухе недвижимом струятся
трели,
Горестно и сладостно отпевая
День уходящий.

Полная печали, для ласк
 созревшая
 Жница златокудрая знойной
 нивы,
 Ты невольно ловишь напев
 далекий,
 Шаг замедляя,

Внемлешь древней флейте
 лесного бога,
 Песне, что доносит вечерний
 ветер,
 Но я знаю – думаешь о богине
 Пенорожденной;

И смятение в сердце плывет
 волнами,
 Твое лоно млеет в истоме
 сладкой,
 А свирель чуть слышно поет,
 смеется –
 Словно сквозь слезы.

Альваро де Кампос

Инженер-судостроитель из Глазго. Мировоззренческие характеристики: сноб, декадент, нигилист. Ему свойственны: провокационность, импульсивность, невротичность. Путешествовал по Востоку. Вступал в гомосексуальные связи. Несмотря на то, что все его стихотворения имеют яркий эмоциональный окрас, в поэзии предпочитает экспериментальность и новаторство.

Я полулежу в кресле, вечер,
 лето заканчивается...
 Я не мечтаю, не думаю, какое-
 то оцепенение усыпляет мой
 мозг...

Не существует рассвета для
 моего оцепенения в этот час...
 Вчера кто-то видел плохой сон
 обо мне...
 Произошёл какой-то внешний
 перерыв в моём сознании...
 Продолжают оставаться
 закрытыми оконные ставни
 этого вечера,
 Хотя окна открыты настежь...
 Рассеянно слежу за своими
 бессвязными ощущениями,
 И моя индивидуальность
 находится между телом и
 душой...

Если бы существовало
 Третье состояние души, в том
 случае, когда бы она имела
 два...
 Четвёртое состояние, если бы
 она имела три...
 Невозможность всего, о чём бы
 я ни мечтал,
 Причиняет мне боль за
 пределами моих сознательных
 ощущений...

Необходимо отметить, что все гетеронимы Пессоа находились в тесном взаимодействии и взаимовлиянии. Они вели общественную полемику в прессе, подвергали друг друга критике, объединялись, расходились, давали советы, словом, вели жизнь полноценных творческих личностей.

Подводя итог, можно сказать, что Фернандо Пессоа – это не один автор, это целая плеяда самобытных поэтов. Вот почему творчество Пессоа – это не просто мир, это целая Вселенная».

На этом мы окончим цитирование, информация в котором, достаточна для конкретного понимания сути гетеронимов.

Заметим только, гетероним является лишь одним из вариантов создания оперативного Двойника.

Однако, в этом деле крайне важен аспект наиболее амплитудной мотивации: в идеале, что-либо делается исключительно ради стяжания Всеполюной Истины и Бога, а не по прихоти или корысти ради. В случае гетеронимов Пессоа, имея в виду сюжеты их судеб, можно достаточно уверенно утверждать, что имело место смешение Высокого и предельно Низменного, страстно-капризного. Собственно, такова и сама Португалия...

В этом плане имеет смысл обратиться к архитектуре и её стилям.

Португальское Мануэлино: это, в большей мере, всё-таки, Готика, однако, уже почти ступившая в барокковую похоть (но не ступившая). Огонь, запредельный Огонь, Готики прячется и помещается в Воду, последняя кипит, завиваясь в узлы. Мануэлино навеяно реакцией Благородства на множественные диаспоры демонов индий. Оно уже почти выпадает из Истинной Формулы, которую в мире зодчества наиболее эксплицитно представляют Романская Архитектура и Готика.

Мануэлино, как раз, как и Ависский Крест, Зелёное, находящееся в зоне определённого метафизического компромисса, который таки закончился Лиссабонской Катастрофой.

Пессоа, безусловно, персонаж тонкий, однако, он уже сделал шаг в мануэлинское томарское Окно и потому потерял связь с Истиной, его уделом была лишь тоска о Ней.

Saudade, видимо, имеет смысл разделить также на три уровня:

- вульгарное, пример – Фаду;
- средней очистки, пример, творчество Пессоа;
- тонкое, – Атлантик Синей Розы...

Dezdechado: «Дуб, вырванный с корнем».

Произведения Евгения Головина имеют структуру соответствующую классике Герметизма.

Свои осторожные и приглашающие формулировки, Адмирал, с одной стороны опирает на веер алхимических моментов в культуре (часто ссылаясь на различные художественные произведения таких авторов как Вальтер Скотт, Виктор Гюго, поэтов Серебряного Века, etc.); с другой – точно и кратко, по необходимому случаю, цитирует классические труды по Герметизму. Получается, в целом, три объёма. Три мира: собственно, Головина; алхимиков и Адептов; персонажей культуры, наиболее близко подошедших к Опусу... Золотая Цепь и её фон.

Ночуем мы в альберге, это значит, неизбежен коллектив. И здесь необходимо сделать весьма ясное замечание. Коллектив всегда умножает и детализирует доминирующую в среде парадигму. Это значит: в эпоху светлого Средневековья община умножала христианские модусы; сейчас произвольный коллектив может множить исключительно мракобесие. Потому, на Камино, в наши дни, по возможности, имеет смысл избегать любых коллективов и сводить тусовочное общение к минимуму.

В завершение данной небольшой статьи, некая цитата с рассказом о Петухе из Барселуша, ведь именно оттуда мы начали своё Камино:

«Когда будете прогуливаться в Лиссабоне по сувенирным лавкам, обратите внимание на множество разноцветных петухов, очень напоминающих по расцветке наших, русских петушков. Это один из символов Португалии. Петух Барселуш не простой, а жареный, поэтому всегда черный. А еще он справедливый. Все объясняет старинная легенда. Вот она.

Когда-то давно, в средние века, шли паломники в Сантьяго-де-Компостела и остановились на ночлег в маленьком городке Барселуш, что на севере Португалии. Но тогда это был не просто городок, а столица первого графства независимой Португалии (1298 г.) и резиденция основателя династии герцогов Браганса – будущих королей Португалии (с 1640 г.). Среди паломников был некий молодой галисиец, который очень понравился хозяйке постоялого двора, и она всячески помогала ему. Но паломник стоял на своем и отказал женщине. Разозленная хозяйка решила

отомстить юноше и подкинула ему своё столовое серебро, а по утрам подняла крик: «Украли, украли!». Стали проверять всех постояльцев, и в скромной суме галисийца обнаружилась пропажа. Юношу схватили, и местный судья приговорил его к смертной казни (такие суровые законы были в Барселуше в то время). Перед казнью паломник попросил аудиенцию у того человека, который приговорил его к смерти. Последнюю просьбу узника уважили. Галисийца отвели в дом служителя Фемиды, где в этот момент шла дружеская пирушка. Здесь странник снова настаивал на своей полной невинности. Когда он окончательно понял, что переубедить судью невозможно, то указал тому на блюдо с жареным петухом, и в отчаянье воскликнул: «Я настолько безвинен, что когда меня будут вешать, этот петух закукарекает!». Судья пренебрежительно отодвинул блюдо с птицей в сторону и, как ни в чем не бывало, продолжил трапезу. Но, когда наступил час казни, жареный петух вдруг ожил и прокукарекал. Потрясенный судья вскочил из-за стола и побежал на место казни. Там он увидел, что палач плохо завязал узел на шее осужденного и узник все еще жив. Несчастного немедленно освободили из петли и отпустили с миром.

Отсюда, кстати, и пошла пословица: «Пока жареный петух не клюнет».

Спустя несколько лет паломник вернулся в Барселуш, где установил памятный крест, посвященный Деве Марии и Святому Иакову. Так галисиец отблагодарил своих небесных покровителей за явленное ему «Чудо Спасения». Его приношение Святым заступникам – «Крест героя легенды о Петухе» (Cruzeiro do Senhor do Galo) – хранится среди развалин Дворца Графов Барселуша (Paco dos Condes de Barcelos).

А Петух из Барселуша вовсе не закончил свое бренное существование на столе у судьбы. Он возродился. В 1930-х годах гончар из деревеньки близ Барселуша по имени Думингу Коту развлечение ради вылепил из глины петуха – в память о том самом, жареном крикуне. Фигурка получилась так себе, но ярко раскрашенный он приобрел некий шарм. Таких же петушков захотели иметь односельчане, затем жители окрестных городов. А кончилось тем, что расписной петух стал символом Португалии».

Сия легенда практически идентична другой такой сказке, связанной с городом Санто-Доминго-де-ла-Кальсада на Камино Франсе.

Однако, не стоит обманывался видимой простотой сего рассказа.

Как минимум, он повествует о сложной и почти трагической битве Оператора (кандидата в Адепты) с тиранией Великой Матери.

Не менее важен и образ Петуха: очень часто он символизирует Огонь...

12) ДЕНЬ 6. НАПРАВЛЯЯСЬ В RUBIAES (ОКОЛО 21 КМ).

Сны. В эту ночь они были особенные: много полётов с детальным ощущением работы тела: толкаешься ногами и рывком плеч вверх подхватываешь импульс. Зависаешь в лёгкости. Беззаботно. Легчайшим мановением намерения воспаряешь к верхушкам высоких сосен и летишь...

Характерно: родственники и близкие всячески убеждали, что много летать вредно, слишком энергозатратно... и при этом побаивались. А ходить всё меньше хотелось, даже в ситуациях, где раньше сидел бы, уже выбирал воспарённое висение...

Просыпаемся в 5.50.

Сборы. В 7.10 выходим.

Город после вчерашнего фестиваля завален горами мусора и отсыпавшимися после пьянки телами. Кое-кто всё ещё бродит группками навеселе.

Подходим к главному Храму. Там идёт месса, помещение заполнено полностью. Очень кратко свершаем Воззвание.

Переходим длинный средневековый каменный Мост. Скорее всего он и дал название городу...

Каждый новый пилигримский день встречает один и тот же Ритуал. В течение первого перехода Кольца Посвящения одеты на безымянные пальцы обеих рук: левое связано с Мудростью и Завершением, правое – с Силой и Началом. Правое, так же символизирует Ад, чтобы не забывать, где находишься. На ходу сначала читается в уме первая часть сущностного Девиза Тампля: «NON NOBIS DOMINE, NON NOBIS...» и параллельно ощущается вращение горизонтальных дисков вокруг перстней наружу. Вторая часть «... SED NOMINI TUO DA GLORIAM»: вращение внутрь. Потом: «ARISTATA ETEVITAT» – встречное двойное вращение.

Цикл из трёх повторяется многократно. Так Идея объединяется с Энергией и с Телом. Передача Тампля перемешивается с Передачей Вечного Сентября...

Сие: тайная практика V. S.

Что-либо тайным, в максимуме – Тайным Обществом, делает не гордыня и не претензия на элитарность. Причина связана с сущностью социума и со спецификой поведения людей в стаде. Всё инаковое ненавидят и потому, при возможности, тем или иным способом, будут уничтожать или хотя бы травить.

Перстни Посвящения одеваются только на Ритуалы и в ходе особых Опусов. В повседневной жизни человек нашего Ордена никаких колец не носит. Не может идти и речи об обручальном кольце: Рыцарь или Идущий в Рыцарство никогда не поклоняется земной женщине, семье или роду, – это часть его Обета Чистоты (Девственности). Естественно, сия позиция держится в тайне по уже описанным выше причинам.

Идём неплохо и к 11 утра уже пройдено более половины перехода. Нам везёт: удаётся зайти в два Храма и в придорожную Капеллу, вознести Воззвание.

Местность довольно приятная, холмы, каменные домики, колокольный перезвон.

Вчерашний фестиваль в Понти-ди-Лиме, судя по всему, был весьма бодр и интенсивен. На первый взгляд такие действия кажутся морально-волевому монотеистическому уму, весьма предосудительными, неким торжеством похоти и бессмысленного веселья. Развращённый ум просто погружается в омут такого рода событий.

А вот созерцание под сенью Зелёного Ависского Креста дарует понимание, что фестивали как вчера – это форма Подношения божествам места и города. Всему своё и необходимое: объектная скотомасса пьянствует, субъектные люди с прозрачно-печальными, исполненными, очами занимаются возлияниями. Потом всё это окрашивается утренней мессой в Главном Храме...

И: ведь есть ещё дивный Мост.

Португалия.

Наш Пилигримаж по её земле понемногу завершается. Скоро Испания. Ещё и ещё погружаемся в переживание лузитанской специфики, ещё и ещё, вслед Энрике Мореплавателю обращаем

тамплиерский взор в неведомую даль. В Океанос за горизонтами горизонтов.

Созерцая историю Португалии, имеет смысл обратить внимание на специфику рождения сего Царства. Первый Король Португалии взял власть таким образом.

В 1123 году будущий Царь Афонсу, в возрасте четырнадцати лет произвёл себя в Рыцари и попытался взять под контроль свои же земли. Его врагом оказалась родная мать. В 1128 году Афонсу в битве при Гимарайнше одержал победу над войсками матери, взял её в плен и навечно заточил в Леонский Монастырь. Победив ещё и союзника матери Альфонсо Седьмого Кастильского, расторг вассалитет по отношению к Леону и Кастилии.

Затем Афонсу одержал важные Победы над маврами и был провозглашён Царём 26 июля 1139 года. Так Португалия стала независимым Королевством.

В 1146–1147 годах Король Афонсу отвоевал у мавров Санта-рен и Лиссабон...

Если рассмотреть этот сюжет через призму Мифа, то Португалия возникла, когда будущий её первый Царь попрал кровно-родственную доминацию, победил мать и Великую Мать в её лице, попрал inferнальные силы, персонифицированные маврами...

Так была основана Бургундская Династия (1139–1383).

При Короле Афонсу Третьем (1248–1279) Португалия полностью отвоёвывает все свои территории у мавров и становится первой державой, всецело завершившей Реконкисту. Видимо, по этой причине, именно Португалия стала первой колониальной Империей, Испания же шла вослед лузитанской Короне...

Интересно и то, что почти все Короли Бургундской Династии находились в не особо хороших отношениях с Папами и были даже некоторые из них отлучены от церкви.

Король Диниш Первый (1239–1325), прозванный за своё поэтическое дарование Царём-Трубадуром, не только сохранил португальский Тамплъ, но и принял у себя в стране многих Тамплиеров, ушедших от гонений во Франции, начатых в 1307 году. Орден Храма он переименовал в Орден Христа, возможно, в том числе,

отсылая к Архэ Предательства, Мытарств, Распятия, Смерти и Воскресения...

К 12.30 поднимаемся на самую высокую точку Камино Португез. Здесь мы совершаем тамплиерское Воззвание посредством Молитвы «Да пачем Домине» и предаёмся Агапе, Священной Трапезе. Как ни странно, камино-туристы напрочь исчезают на полтора часа, зато приходят кони, самцы и самки, а также, их детёныши. Мы выпиваем четыре бутылки *Vino Verde*, и это как раз нужная доза: жёсткая плоть исчезает напрочь, раскованная плавка мира актуализируется вполне. Бухать на Камино плохо. Очень плохо. Но не употреблять Вина вообще намного хуже: концептуальный трезвенник рискует привезти домой с Тропы новопроизведённого демона своей гордыни и ложно монотеистических напряжений.

Тем не менее, у нас есть правило: после обильного употребления Вина практически пробежаться километров пять, что мы и делаем. Вкупе с обильным испитием Воды, это почти гарантирует снятие любых проблем с печени.

Бургундская изначальная Династия даровала Португалии девять Царей и увяла, потеряв свою силу.

На её смену пришла эссенциальная Ависская Династия (1385–1578). Серебро и Лазурь были заменены Зелёным Крестом. Наверное, Цари Дуарте Первый, Мануэл Первый Счастливый – наиболее сущностные монархи Ависской Династии в частности и Лузитании вообще.

Обязательно необходимо вспомнить Энрике Мореплавателя и последнего (точнее, предпоследнего) Царя Зелёной Династии, Короля Себастьяна Исчезнувшего...

После падения Ависской Династии Португалия потеряла независимость и попала в зависимость под Испанскую Корону на шестьдесят лет.

К 15.40 мы попадаем на место ночёвки. Заселяемся и отдыхаем.

Альберге каменный и у нас отличная комната. Всё идеально.

После АвиССкой Династии и испанской оккупации, светлая эпоха Средних Веков ушла в небытие и Португалия, в сущностном смысле, скорее жила за счёт пневматического накопления двух первых Династий.

При Короле Жозе Первом произошла Лиссабонская Трагедия 1755 года и она, весьма конкретно и предельно жёстко отсекала Логос Средневековья не только в Португалии, но и катастрофически повлияла на всю европейскую ойкумену. Более того, упомянутый король практически был неспособен к управлению страной и его функции исполнял Маркиз де Помбал, впоследствии вероломно преданный королевским двором...

Португалия.

Поэты...

Их гений, зачастую, отражает саму суть Логоса (да и Мифоса) той или иной, страны.

Камоэнс и Пессоа: наверное, в них сконцентрирован лузитанский дух. При этом, Пессоа, на порядок будет глубже...

Фернандо Пессоа, человек, создавший более сотни оперативных двойников, по утверждению некоторых, умерший девственником... трагическая и противоречивая фигура. За восемь месяцев до своей смерти (а умер он в 47 лет), Пессоа написал свою автобиографию. Вчитаемся в её строки, в них, отражена и судьба Лузитании:

«Полное имя: Фернанду Антониу Нугейра Пессоа.

Возраст и национальность: Родился в Лиссабоне, в приходе Мучеников, в доме № 4 на площади Святого Карлуша (в настоящее время – площадь Директории) 13 июня 1888 года.

Происхождение: законный сын Жоакина де Сеабра Пессоа и донны Марии Магдалены Ринейру Нугейра. По отцовской линии – внук генерала Жоакина Антониу де Араужу Пессоа, участника мигелистских войн, и донны Дионисии Сеабра; по материнской линии – внук советника Луиша Антониу Нугейры, юрисконсульта, главы Министерства Королевства и донны Магдалены Шавиер Пинейру. Линии родства: смешанные из фидалгу и евреев.

Семейное положение: холост.

Профессия: наиболее подходящее название – «переводчик», наиболее точное – «ответственный за переписку с иностранными клиентами в коммерческих учреждениях». Быть поэтом и писателем – не профессия, но призвание.

Место жительства: улица Коэлью да Роша, 16, второй этаж справа, Лиссабон (почтовый адрес – п/я 147, Лиссабон).

Должность: Если под этим понимаются государственные должности или важные обязанности – никакие.

Опубликованные сочинения: в основном произведения выходили не регулярно в различных журналах и случайных публикациях. К наиболее значимым книгам или брошюрам относятся: «35 сонетов» (на английском языке), 1918; «Английские поэмы I–II» и «Английские поэмы III» (также на английском языке), 1922; и книга «Послание», 1934, премированная Секретариатом Национальной Пропаганды в категории «Поэма». Брошюру (памфлет) «Междоусарствие», опубликованную в 1928 году в защиту военной диктатуры в Португалии, следует считать несуществующей. Возможно, что при более внимательном пересмотре всего этого от многого отказался бы.

Образование: Вследствие того, что отец скончался в 1893 году и мать повторно вышла замуж в 1895 году за коменданта Жуана Мигэла Розу, консула Португалии в Дурбане, провинции Натал, образование получил там же. Был удостоен премии королевы Виктории за очерк на английском языке при вступительном экзамене в университет Мыса Доброй Надежды в 1903 году в возрасте 15 лет.

Политические взгляды: считаю монархическую систему наиболее подходящей для такой органически имперской нации, являющейся сутью Португалии. В то же время считаю монархию в Португалии совершенно нежизнеспособной. Поэтому на референ-

думе о выборе политического режима голосовал бы, хотя и с сожалением, за республику. Консерватор английского толка, выступающий за свободу в рамках консерватизма, считающий себя абсолютным анти-реакционером.

Религиозные убеждения: Христианин-гностик и, поэтому, противник всех официальных церквей, особенно римской католической церкви.

Исходя из далее изложенных мотивов предан тайному вероучению христианства, тесно связанному с еврейской тайной традицией каббалы и оккультной сущностью масонства.

Посвящение: Посвящён при прямой передаче от Учителя Ученику в три низшие степени (якобы упразднённого) Ордена Тамплиеров Португалии.

Патриотическая позиция: Последователь мистического национализма, лишённого любого влияния Римско-католической церкви, пытающийся создать, если это будет возможно, новый себастианизм, который станет её духовной заменой, при условии наличия духовности в португальском католицизме когда-либо. Националист, который руководствуется принципом: «Всё для Человечества, ничего против Нации».

Общественная позиция: Анти-коммунист и анти-социалист. Остальное сводится к вышеизложенному.

Вывод из этих последних соображений: Всегда помнить о мученике Жаке де Моле – Великом Магистре Ордена тамплиеров, всегда и во всём противостоять трём его убийцам – Невежеству, Фанатизму и Тирании.

Лиссабон, 30 марта 1935 г.».

В завершение, цитатой, ещё пару стихов Пессоа. В них веет всё та же лужитанская Saudade:

«РОЖДЕСТВО».

Родится бог. Былые гибнут боги.
Но правда не пришла и не ушла.
Сменился Миф, и вечность на пороге
Не меньше прежней вечности светла.

Бессильный ум возделывает поле,
Мянутся мифы в мертвенной ночи.
Господь есть Слово, и ни граном боле.
Не знай, не верь: утеряны ключи.

«НЕ БУДУ БОЛЬШЕ СОНМОМ УПОВАНИЙ».

Не буду больше сонмом упований,
Не буду тем, чем не был я вовек...
Волна с волной – ничто их не слиянней,
И мир течет подобно водам рек.

Стрела трясется – ведь уже в колчане
Мгновенный трепет будущность предрек.
Когда ярится буря в океане,
На ней печать грядущих мирных нег.

Мы таковы, какими только станем.
И потому в моей душевной стуже
Я собственным пребуду подражаньем.

Ответов нет, и моего здесь нет.
С чужой луны сюда струится вчуже
Все растворивший бесполезный свет.

(перевод: Зельдович Г.)

Догорает жаркий, очень жаркий, день. Пройдено немало. Про-
жито немало. Лузитанская элегия близится к своему разрешению.
Saudade жаркой, океанически прохладной, страны.

13) ДЕНЬ 7. ХРУСТАЛЬНЫЕ ТРОПЫ С ОРАНЖЕВЫМИ ПРОЖИЛКАМИ. В TUI (ОКОЛО 22 КМ).

Спится на Камино не хорошо, а очень хорошо. И это невзирая на нагрузки, жару, мозоли и тому подобное. Видимо, вопрос не в теле, но в конкретике плавания или полёта души к ночным светильникам звёзд. В омовении субтильным светом. Во впитывании смыслов и значений. Ритмы души только опираются на тело и кое-где сходятся в синхроне, душа увлажняет плоть и это ощущается своеобразной приятностью купания в женской расслабленной уместности.

Спишь, будто объятый лазурью девы, прохладно-нейтральной белизной, покрывалом из температуры тела, снегом.

Держательница альберге сообщает нам, что сами португальцы в Камино де Сантьяго не ходят, их паломнический приоритет – Фатима, где в 1917 году трое детей-пастушков получили каскады видений Пресвятой Девы. Очень по-разному сами христианские иерархи оценивают это явление, начиная от полного доверия и восторга, заканчивая маркировкой «сатанизм»... Понятное дело, что в таких случаях, лучше от комментариев воздержаться.

Ясно одно: в определенном смысле Фатимские чудеса как бы перекрыли для лузитан Тропу Иакова. И это ощущается.

Просыпаемся в 5.50.

Сегодня наш последний день в Португалии, перейдя Rio Mino, попадём в Испанию.

Португальский соборный даймон, конечно, как и остальные европейские, растворяется новейшим демоном Интернета-постмодерна, однако, он всё ещё живой. И этот даймон без особого восторга воспринимает соседнюю Испанию. Налицо, многолетние противоречия и вражда. Конечно, существует и множество общих моментов. Фатимское Камино для лузитан, видимо, отразило их

определённый национализм в том числе. С другой стороны, проявление Фатимы совсем недавнее и жаль, что оно для португальцев перекрыло средневековую Передачу Сантьяго. Впрочем, Камино де Сантьяго, всюду превращается в трекинг бренд с элементами нью-эйдж.

Идём по жёлтым стрелкам. Так маркировано Камино де Сантьяго. Навстречу попадают синие, они обозначают Тропу в Фатиму, которая идёт навстречу нашему Камино.

Доходим до посёлка Fontoura. Приятная бабушка с сияющими глазами, бодрая и сухая, стоит у Камино со столиком и регистрирует людей на Дороге. Интересуюсь у неё сколько лет Камино Португез, она говорит – около восьмиста. Рассказывает, что это Камино особо расцвело в годы Царя Мануэла Счастливого. Бабушка, видя наше вопрошание, дарит мне книгу про легенды Португальской Тропы. Ставит в неё печать и дату.

По дороге приходит некая Передача.

«ТРАКТАТ: «РАЗНОЦВЕТНОЕ ВИНО ПРОЗРАЧНОЙ ЧАШИ».

Изумрудный Сундук с сияющие Чёрной окантовкой. В нём – Четыре Свитка.

Первый: Сапфировый. Он о первозданной Пустоте, Чистоте и Простоте.

Влияние этой книги наводит ясный сон иллюзорности всего, это не трагично, это не больно: просто возможно всё. Распахивается Окно сразу во все стороны и потому оно предстаёт Прозрачным Кристаллом.

Наше Окно: неведущественный Кристалл.

Три остальных Свитка завернуты в первый, исходят из него; также, завернуты друг в друга и разворачиваются так.

Второй: Свиток Первичного Логоса. Он повествует о мире сущностных колебаний как о первоскелете, проявленном из Чистоты. Вибрации задают матрицы структур...

Третий: это Сияния и Лучи-Иконы мира снов и активного воображения. Пассивное – есть всего лишь реакция на деформации так называемой «реальности», печать компенсаторной судьбы.

Мир снов и Воображение. Последнее: лучше вне усилий и с открытыми глазами.

Четвёртый: так называемая «реальность». Её важно распознавать не как точку безусловной фиксации, но в качестве точки отсчёта Пресветлой Плавки: сие достигается привнесением в быт знания Первого Свитка.

Всё похоже на сон. Ничто не предрешено. Всё распахнуто во всевозможность.

Важно в каждый миг своего Пути ЗНАТЬ все Четыре Свитка и помнить, последующие, исходят из предыдущих; высшее и тонкое управляет низшим и грубым».

Из этого базового Трактата исходит понимание разнообразных Упражнений Тропы: представление Окрашивания и Трансформаций...

Около 14.30 мы приходим в португальский пограничный город. Далее: Мост, река и Испания.

Saudade плотно и концентрированно входит в душу. Мы понимаем: просто так перейти кордон нельзя.

Садимся под деревом. Совсем рядом Мост и граница. Каштан. Это какой-то странный, их, местный, каштан, его иголки исключительно агрессивны и любое легкое прикосновение – это боль и кровь.

Касаюсь.

Кровь.

Маленькие карминовые брызги...

Ритуал Тройной Чаши.

Мост...

14) ГРАНИЦА. ПОРТУГАЛИЯ. ИСПАНИЯ. МОСТ СЛЁЗ.

... Мост.

Завершив Ритуал Тройной Чаши, начинаем идти по мосту через довольно широкую реку. На той стороне уже Испания.

Город Туй.

Шаг. Ещё шаг.

Оказывается, лузитанские духи глубоко вошли в душу.

Слеза. Ещё слеза.

Волна дикого блаженного Отчаяния вдруг закипает в груди, выворачивает горло наружу, и нежно, тонко и сущностно нисходит с глаз горячими слезами.

Как же страшно разрывать континуум.

Как же яростно, больно и блаженно вспарывает Граница белую плоть девственной Вечности.

Железный Мост.

Переход.

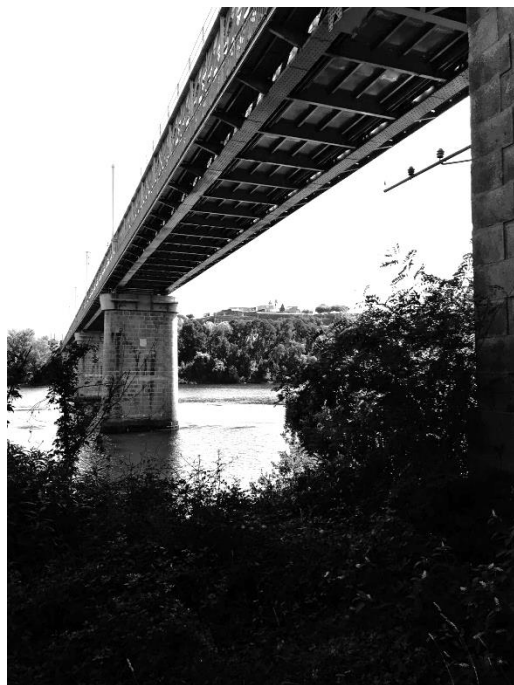
Испания.

Будтоходишь в плотную среду. Из опьянённо-женственного пространства Воды и Воздуха попадаешь в измерение Пламенной Рыцарственности, но и – Земляной схоластики монотеистического концептуализма.

Да, Испания.

Да, Огонь.

Однако: в том числе, сжатие приведения к единому знаменателю. Доли, горы и реки Ависского Зелёного Креста остались за рекой...

Слёзы.

В их горячих каплях Опус пересечения этой границы.

Впервые.

Навсегда.

Мост Слёз.

Испания: Огонь и Меч.

Если мало Мужского Начала, то тут есть Поддержка.

Если много Мужского Начала, то тут мало Сокровенной Чистой Женственности.

Испания.

Тропа Сантьяго.

15) TUI. ОРАНЖЕВЫЕ ПРОЖИЛКИ В ХРУСТАЛЬНОЙ ДОРОГЕ.

Испания.

Перемена божеств.

Разница ощущается.

Вернёмся, однако, к приведённому ранее (13 глава) Трактату и кое-что откомментируем.

Итак. Тропа.

То, что есть у всех без каких-либо сложностей – это так называемая «физическая реальность», данная в органах чувств и фильтрах концепций, относительно её нормативных заплетений, а также – в приоритетных распознаваниях и в полях ценностей... Если всё это обычное обобщить, то мы получим материальный мир (это уже в таком модусе около 400-300 лет) и виртуальный дубль взаимодействия с электронными гаджетами (сие появилось совсем недавно). Последний момент почти убил не только активное, но и пассивное воображение.

Кроме того, в такой материально-виртуальной Метопарадигме есть струны базовых сценариев на самых различных уровнях, по которым и строят своё существование люди.

Это, в нашем Трактате, обозначено Четвёртым Свитком.

Это – Грязный Лёд и его делирический дубль, который, может быть превращён в относительно Чистый, в первую очередь путём привнесения Гнозиса Первого Свитка прямо в эту ситуацию.

Второй и Третий Свитки, являясь вместе с Четвёртым Катафатикой Божества, описывают то, как в Апофатическом Пределе рождается Движение в виде спонтанной Первовибрации и далее как оно проявляется феериями Светов в режимах активного Воображения и Сна.

В результате, Формула Движения (которая равновесна Апофатическому Покою), предстаёт не казармой лишённости и скучного забвения (как у нормальных граждан), но прозрачно и освобождённо повисает в безбрежном измерении Равнозначности. При

этом, видится уже не застывшая «реальность», но понемногу сие распознаётся, как следствие живых энергий, описанных, во Втором и Третьем Свитках.

Так узнаётся Прозрачный Свет и именно Он есть базовая оперативность Истины.

Опуская несколько, вышеупомянутое до банальщины возможностей, тем не менее, проникновенного и весьма тонкого созерцания, можно говорить о:

- как бы «реальном мире»;
- оперативности снов и активного Воображения;
- оперативности распознавания базовой колебательной Матрицы-Логоса (здесь как раз выход на понимание сути мантр и молитв);
- о пустотном Знании, которое всегда потенциально содержит возможность Проявления и которое всегда Чисто...
- Ещё раз укажем, что человек-обычный-социальный из всего этого воспринимает только как бы «реальность».

В идеале, Пилигрим идёт сразу во всех упомянутых Четырёх. Это может получаться лучше или хуже, но важны как воздух постоянные попытки.

Теперь о примерах Упражнений на тему.

Идёшь, и всё видишь будто во сне, нереальным, как дымку, как мираж... (это соответствует Первому Свитку).

Удар Звука для перемены режима связан со Вторым Свитком (здесь и далее на тему, см. описание такого рода Упражнений в Книгах Вечного Сентября о Камино де Сантьяго).

Превращение может идти либо только Цвета и Света (то есть, энергии); либо – коагулируются новые формы и растворяются неуместные из «реальности» (например, барокковые элементы в Готическом Храме).

Так истекает Новая Земля, но Истины ради, а не по прихоти или корысти для.

В контексте Четвёртого Свитка идёт отслеживание влияний вышеупомянутых Операций на самоощущение тела (как правило, при их успехе, оно теряет плотно-материальную доминанту и становится как бы прозрачным).

Заселившись в альберге, немного отдохнув и помывшись, идём в магазин в намерении купить Vino Verde. К великому удивлению, его нет и следа, хотя Португалия, максимум, в трёх километрах. Другие боги, другое Вино...

16) ДЕНЬ 8. ИСПАНИЯ. TUI. АРЕОПАГИТИКИ ЭКХАРТА В ВОПРОШАНИИ К СИДУ.

Начнём главу сию с обращения к Гнозису Первого Свитка и приведём цитату из Дионисия Ареопагита:

«ПИСЬМО ДОРОФЕЮ ДИАКОНУ

Божественный Мрак – это тот неприступный Свет, в котором, как сказано в Писании, пребывает Бог. А поскольку невидим и неприступен он по причине своего необыкновенно яркого сверхъестественного сияния, достичь его может только тот, кто, удостоившись боговедения и боговидения, погружается во Мрак, воистину превосходящий ведение и видение, и, познав неведением и невидением, что Бог запределен всему чувственно воспринимаемому и умопостигаемому бытию, восклицает вместе с пророком: «Дивно для меня ведение Твое, не могу постигнуть его». Точно так же и божественный Павел, о котором в Писании сказано, что он познал Бога, постиг, что мышление и ведение Его превосходит все сущее, вот почему он и говорит, что пути Его – неисповедимы, суждения – непостижимы, дары – неизреченны, а мир Его – превосходит всякое разумение; таким образом, познав Того, Кто превосходит все сущее, превосходящим мышление разумением он постиг, что Бог, как Причина всего сущего, запределен всему сущему».

Дионис Ареопагит, он же – Сен Дени, не только написал важнейшие Опусы для всего Христианства, но и является прямой причиной и предтечей Готической Архитектуры: аббат Сюжер, будучи настоятелем Монастыря Сен-Дени, изучая Труды Ареопагита и созерцая игру света в самоцветах, как раз её и проявил конкретно. Не будем забывать, что, сначала оппонентом, а потом близким другом Сюжера, был Бернар Клервоский, вдохновитель и духовный Наставник Ордена Тамплиеров.

Исключительно точно и очистительно ясно начинать утро с апофатических омовений, входя в чертоги текстов, содержащих сию драгоценную Воду запредельного Знания.

Майстер Экхарт, здесь, пожалуй, этот великий Тевтон, является полюсом средневековой фиксации такого Гнозиса.

Дионисий Ареопагит и Экхарт: Два Всадника на Конях Запредельной Чистоты.

«Утри свои слёзы, ты не мог бы искать Меня, если бы уже не нашёл», – так пишет Экхарт и это созвучно одной Формуле: «Чтобы начать искать Золото и обрести Золото, нужно уже обладать Золотом».

Апофатическое Знание самоестественно проявляет Аспект Великого Расслабления, который есть корень и Доросердечия и душевной мягкости, и духовного ненасилия...

Эта же пустотная распахнутость является истоком абсолютного бесстрашия... и противоядием чувственной сентиментальности.

Катедраль Туи.

Собор: место Прозрачной Строгости.

Так его можно описать в эссенции. В базовой несущей Романско-Готике послание конкретно, Знание исполнено. Барокковая начинка, которой тоже немало, лишь знаменует победу Санчо Пансы над Дон Кихотом: Испания, героически горя семьсот лет Реконкистой шла к сущностному Средневековью, как к заветной Цели, при Католических Королях наконец обретя её, выйдя из себя Экспансией в Америки, не оказалась способна распознать хитрые выверты других времён. Католическая тогдашняя норма от Пап, принималась безусловно... так Сид превращался всё более в Дон Кихота и ему не находилось места в порядочной жизни... он мстил всё более и более как Дон Жуан.

Испания.

Земля, которую отвоёвывали семьсот лет.

Её Формула первой стабильности: Католические Короли – Изабелла и Фердинанд. Религиозная структуризация: Томас Торквемада.

Сущностное ядро: Исток – Раймунд Луллий; Священная пара: Святая Тереза Авильская и Сан Хуан де ла Крус...

Могучий импульс Метареконкисты, завоевание Америк, произошёл событием, где всё начиналось с вознесённого поиска Философского Золота, а закончилось обретением вульгарного. Это и надломило Иберию...

Не меньшую роль сыграл Папский Рим, который, в результате успехов Реформации, начал компенсаторную Контрреформацию, частью которой было барокко, и, как это ни странно и не печально, Испания, намного более достойная чем католический Плюс, взяла на себя функцию твердыни Веры, чем только загрязнила свой Огонь и, фактически, убила Рыцарство. Тонкий Огонь последнего превратился в коготь похоти и гордыни Дон Жуана. Лучшая часть сего Пламени тихо и нежно ушла вместе с Дон Кихотом.

Сид Кампеадор ненадолго пережил победный финал Реконкисты...

Камино. Длительная равномерная ходьба. Циркуляция ходьбы похожа на ровное горение огня под ретортой. И, видимо, исход Операции зависит от температуры, крепости сосуда и содержимого. Хорошо, идя по Камино возвышенно созерцать, начинать вереницы тайных слогов, разглядывать драгоценные камни, пред этим извлечённые из сокровищниц любимых книг...

Камино.

Туй.

Испания.

Пограничный город, весь из камня. Его Собор суров и представляет собою Крепость. Видно, что она направлена усилием прыжка на соседнюю Португалию.

Целые сутки мы проводим в Туй, вбирая новую специфику, Испанию в Опусе «идя на Север».

Герб Туи весьма интересен: Поле – Лазурь. На нём, Серебро, Старый Месяц; Золото – Три Восьмилучевых Звезды друг над другом. Сфера структуризации весьма своеобразно освящается и активируется браком Луны и Звёзд.

Белое тонкое покрывало subtilно сканирует соседнюю Лузитанию, а Три Светила в принципе готовы изливаться лучами...

Сегодня впервые не так жарко. Сад при нашем альберге (а это, внушительный каменный дом) уютно прячет под многочисленные крылья трепещущих в океаническом ветре листьев.

Можно наслаждаться тишиной.

Книгой...

Целым днём отдыха.

День догорает.

Сад засыпает.

Камино де Сантьяго: можно (иногда это полезно) утверждать категорически, что человеку современной сборки здесь делать вообще нечего. Камино не виртуально (как в соцсетях), Камино не реально (то, что видят глаза и ощущают стопы).

Камино начинается с Мифа. Со Сказки... С трещины между мирами.

Если Ты хочешь попасть в Империю Камино, нужно будет совершить очень трудные, для нормального человека операции в два каскада.

Первый: полностью изъять, забрать свою оперативность, активную жизнь из виртуала; по возможности, убрать всё и любое присутствие в соцсетях, как минимум, ничего не постить в них по ходу Тропы.

Второй: убрав всецело из своей энергетической, эмоциональной и смысловой активности виртуал, растворить любого рода научные представления о «реальности», попрощаться с физической базой картины мира... оторгнуть любые ценностные поля социума, предлагаемые маршруты судьбы и общественные сюжеты её проживания. Выйти за пределы кровно-родственного эгоизма, обусловленности семьёй и нацией, разотождествиться с любыми современными причастностями к политическим силам, субкультурам и профанным религиозным формам.

Деньги, престиж и власть должны стать для Тебя мусором у ног Твоих.

Забыть о понятиях «здоровье», «цель», «оптимальность»...

Воскресить в бытовой оперативности реальности Сна и активного Воображения (Знание Третьего Свитка, а по возможности, ещё более тонкий Гнозис Четвёртого).

Звучит, конечно, более чем страшно.
Но это правда и не ложь.

17) ДЕНЬ 9. ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ ИСПАНСКИХ СУМЕРЕК. TUI – REDONDELA (ОКОЛО 33 KM).

Сущностное ядро вещи-явления, их эссенция, выходит за пределы этого континуума, принадлежит реальности иного Качества. Можно сказать так, что в каждой вещи-явлении, в их средоточии сокрыта световая Капля, спрятано Око, содержится исходная нота-Слог...

Человек может скользить по поверхности вещей. Может, играть с их виртуальными дублями, но так и не выйти на качество взаимодействия с Сердцами этих вещей. И пока такого нет, всегда будет неудовлетворённость и боль. Мир вроде бы материален, однако – лишь на своей периферии. В сути – всё не так. Свитки с Четвёртого по Первый проводят через каскады сущностей вещей-явлений...

Нет и не может быть божеств, тем более – Бога, в вульгарном смотрении вне сущностного созерцания-проникновения в Сердце и Сердцем. Тайные Имена вещей-явлений указывают на сии Операции возврата в рай.

Материи нет, ибо есть Созерцание. Где существует материя, нет Видения...

Просыпаемся рано, в 4.50. Быстро собираемся и выходим в 6.00, ещё всецело царствует ночь, её тёмный плащ укутал улицы Туи и лишь затаённая сила предстоящего рассвета ощущается упругостью самого утреннего пространства.

Идём.

Фонариками подсвечиваем путь.

Вспоминаю своего Золотого Кота Дорофея, ещё год назад (а тогда мы совершали Камино в Мушию) это чудо было живо, смотрело живыми говорящими глазами и изливало безусловную Любовь...

Любимый Рыжий Кот, доброе божество нашей судьбы. Идя по Камино, вспоминаю ушедшего так внезапно, Друга и почему-то уверен: у него всё хорошо, он теперь пребывает в Измерении Освобождённых.

Асфальт. Нечто, произведённое от нефти. От исключительно энергоёмкого и грязного вещества. Такие дороги и их измерение, совокупное ощущение, идущее от них, похоже на закрытый сейф или на сковывание наручниками.

Понятно, что это всё далеко не то Камино, которое было в Средние Века. Потому, к данной проблеме можно применить Гнозис Третьего Свитка. Используя Громовой Слог (Второй Свиток) и ощущение ирреальности (Первый), превращаем дорогу (в воображении визуализируем при открытых глазах) в любые формы камней-самоцветов и запоминаем сие настроение. К примеру, идёшь по Тропе из сапфира с малахитовыми прожилками...

Идти сегодня долго и много, около 32-34 километров. Дорога тянется по очень социальной местности: дома, производство, парки...

Идти довольно нелегко, жарко, множество мозолей и потёртостей... в качестве целительной Власти находится стих Сан Хуан де ла Круса о Созерцании:

Я очутился в том краю,
вкусив неведенья такого,
что выше знания любого.

Не знаю сам, какой тропой
вошел я в край сей заповедный,
не знаю, где я, но не скрою,
что в этот миг мой разум бедный,
покинув мир немой и бледный,
вкусил неведенья такого,
что выше знания любого.

Объяло истинное знание
весь мир, Всевышним сотворенный.
Так, в одиночестве, в молчанье,
его узрел я и, плененный,
стал как младенец несмышленный,

коснувшись таинства такого,
что выше знания любого.

Был поглощен я столь всецело,
что на вершине отчужденья
любое чувство онемело,
ушло любое ощущение,
когда достиг я постиженья
непостижимого – такого,
что выше знания любого.

Сей пилигрим, по Божьей воле,
сам от себя освободится
и все, что он узнал дотоле,
во прах и пепел обратится.
столь возрастет, что умалится
вдруг до неведенья такого,
что выше знания любого.

Чем больше познает, неменя,
ум, тем он меньше постигает
сей пламень, ведший Моисея,
свет, что в полночи сияет,
но тот, кто все ж его познает,
вкусит неведенья такого,
что выше знания любого.

Сие незнающее знание –
– такую власть оно имеет,
что мудрецы в своем старанье
его постичь – не преуспеют,
ибо их знание не сумеет
достичь неведенья такого,
что выше знания любого.

Его вершина недоступна,
и нет науки, овладевшей
тем высшим знаньем целокупно

иль превзойти его сумевшей.
 Но сам себя преодолевший,
 вкусит неведенья такого,
 превыше став всего земного.

И, коль желаешь ты ответа –
 – что тайна высшая скрывает? –
 скажу: благое знание это
 суть Божества собой являет.
 Нам Божья милость позволяет
 вкусить неведенья такого.
 что выше знания любого.

(перевод Винаровой Л.)

Апофатический Гнозис оmyвает. Он вводит в истинную Испанию, в ней нет злого жара и огня.

Тропа. Кого она только не терпит. Наверное, наиболее странное существо на Камино, это фитнес-женщина, более похожая на несчастного гермафродита, некая «машинка», сажающаяся соответственно в машинку, которую она нежно называет «бибика». Эти существа жёстко-пластмассово бегут по Тропе, выполняя очередную фитнес-норму.

Холодные мускулистые змейки...

К слову: мужчины не плохие, их просто нет. Вообще.

Такой вот мир. Надёжный и машинный: мир мертвенной дезинфекции аэропорта и операционной.

Наверное, тут самое время привести стихотворение Дамасо Алонсо:

В Мадриде больше миллиона трупов
 (холодный статистический подсчет).
 Бывает среди ночи пробуждаясь и приподнявшись в нише,
 где гнию который год,
 Я внемлю долгими часами урагану, и лаю псов
 и той луне, струящейся в окно.

И реву вторя, сам я начинаю плакать, рычу, как пес,
 И теплым молоком струясь из вымя палевой коровы,
 У бога требую ответа на вопрос,
 За что мучительно и долго душа моя гниет,
 Как сотни обреченных тел в Мадриде,
 Как миллионы трупов на его земле?
 Я говорю:
 Какой небесный сад ты хочешь удобрить гниением нашим?
 Боишься роз загубленных смертельной жаждой
 Или печальных лилий, ночи королев?

(перевод: Наумочкин А.)

Продолжаем наш переход. Настойчиво, раз за разом, указатели отмечают встречу с Капеллой Сантьяго. Пару десятков раз. И вот, мы у неё: абсурд в том и состоит, что она Капелла, как и подавляющее большинство Храмов на Камино, закрыта. Время на часах – 15.10.

Ещё фрагмент стиха Дамасо Алонсо:

«Есть ли возможность высшего
 “бытия”?
 Я не поверил, я больше думал о попрошайничестве
 что было такое “Бытие” и, возможно, существующее,
 душа уже может быть “вечной”.
 И разве всемогущее “Существо” сделает это?».

И ещё фрагмент:

«О, чиароскуро, сокровище спящего»!
 Границы были нарушены, мечта текла.
 Только пространство.
 Свет и тень, два скоростных укрытия,
 бежать к пресной воде Гонтана,
 центр всего.
 Жизнь – не более чем прикосновение твоего ветра?
 Полет ветра, тоски, света и тени:

путь всего.
 И зады, неустомимые зады,
 стрелки совпали с ориентиром,
 они бегут, и они бегут.
 Дерево пространства.
 (Человек спит)
 В конце каждой ветви есть звезда.
 Ночь: века».

И ещё очень пронзительный фрагмент:

«Боже мой, мы не знаем ни о вашей сущности, ни о ваших действиях.

А твое лицо? Мы изобретаем изображения для
 Объясню тебе, о необъяснимый Бог: как слепой
 со светом Если в нашу слепую ночь мы потрясены душой
 с тоской или испугом, это ваша перья рука или ваш коготь
 огня, который ласкает или жгутики... Нам не хватает
 из глубоких глаз, которые могут видеть тебя, о Боже.
 Как слепой в своем бассейне за свет. О, все слепы! Все погрузились во тьму!».

Испанское Камино де Сантьяго: нужно, обязательно нужно порезаться стеклом: кулак отчаяния выбивает закрытое немое Окно придорожной Капеллы. Течёт Кровь. Она. Она оживляет всё. Её капли – стихи ЖИВЫХ испанских поэтов. Живой, это когда Тебе больно:

ЖИЗНЬ.

Жизнь – это призрачный мост
 Между сегодня и завтра
 Внизу лишь потоки слёз
 Вдали только зыбкая правда

Жизнь – это скомканный лист
 Брошенный кем-то случайно
 Голос направленный вниз

Чья-та заветная тайна
 Жизнь – это пламя свечи
 Между зарёй и закатом
 Полоска света в ночи
 Летящая куда-то...

(Хуан Рамон Хименес)

Испания – страна пресветлого отчаяния Воинства, победно завершившего Реконкисту и разрезавшего своё горло о надкол бутылки устроенного комфортного быта последних столетий:

НАБОЖНОСТЬ.

Я к сторожу на маяке
 хочу подняться тропкой тесной,
 узнать, как солона волна,
 в глазах его увидеть бездну.
 К нему дойду я, если жив он,
 старик просоленный, железный.

Как говорят, глядит отшельник
 лишь на Восток, – но бесполезно.
 Загорожу его от моря,
 пусть взглянет на меня, не в бездну.

Он знает все про эту ночь –
 мою дорогу без названия.
 Он знает спрутов, и буруны,
 и крик, лишаящий сознания.

Прилив покрыл его плевками,
 но все ж он высится над пляжем.
 Освистан чайками и бел,
 как раненый солдат на страже,
 он нем, отсутствует, недвижим,
 как будто не родился даже.

Но к башне маяка упрямо
иду обрывистой тропею.
Пусть мне старик откроет все
божественное и земное.
Ему кувшинчик молока,
глоток вина несу с собою...

А он все слушает на башне
морей самовлюбленных пенье.
А если ничего не слышит,
покрытый солью и забвеньем?

(Габриэла Мистраль)

До места сегодняшней ночёвки остаётся около семи километров. Сверхшаем недлительный отдых. Сухая земля жадно впитывает Кровь.

К 18.00 мы доходим, или даже добегаем, до места отдыха и ночёвки. Совсем рядом залив. Атлантический Океан.
Печальные крики чаек.
Редондела.

18) КАМИНО СВОИХ ЗВЁЗД. REDONDELA.

Таковы уж исходные, так нас взяли, что смерть воспринимается весьма травматически и шокирующе. Тому есть множество причин. Вообще-то, мы при жизни взаимодействуем не со смертью, а с её внешними проявлениями и нашими переживаниями на этот счёт, которые обусловлены концепциями на сию тему и страхом плоти. Тем не менее, задевая такую струну, тоже можно прийти к прозрачной апофатике прощания, так облагораживая душу свою лёгким мановением лепестков Синей Розы. Это, конечно, не Майстер Экхарт и не Ареопагит, однако, сии Цветы вполне могут ввести в ровные осени утраченных печалей.

Колокол.

Он звонит.

Итак, стихотворение одного испанского поэта:

УТРАТА

Бесконечна ночь утраты
и темна стезя.

Умиравший уходит –
и вернуть нельзя.

Он все дальше от надежды
на пути своем.

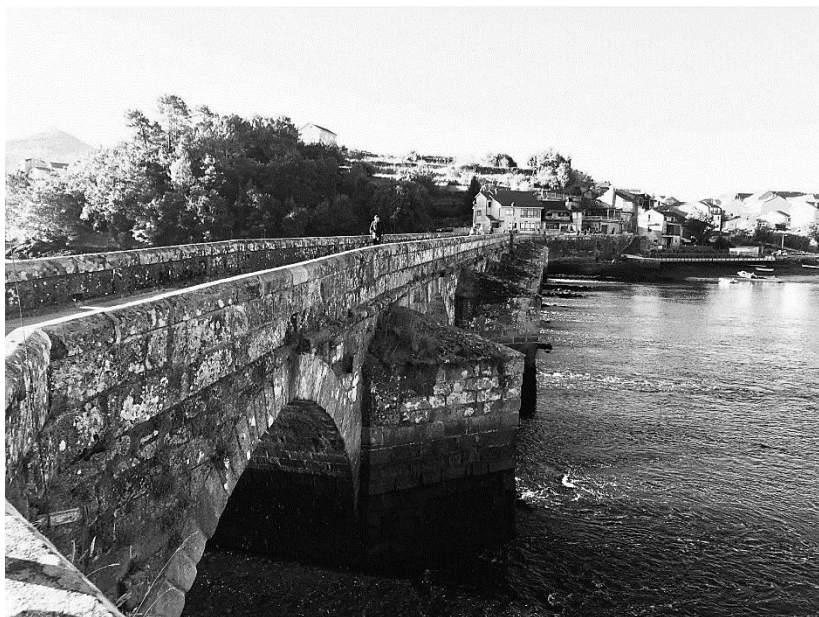
Но несбыточной надежда
умереть вдвоем.

И не легче пригвожденным
к одному кресту.

Все равно уходит каждый
на свою звезду.

(Хуан Рамон Хименес)

Вот этот последний «уход каждого на свою звезду» очень тонко и равностно разрешает натянутую тетиву привязанностей, отпускает дымком иллюзии, снимает пену привычного мифа...

Похоже, лузитанская Saudade проникает и в Испанию.

Редондела близка к Атлантису неким заливом. Здесь явно ощущается прощательность Западного Океана и потому, открыта возможность сущностно очистить пневмы своего Камино, прямо и отверсто впуская щемящие скрипы чаек в порт разочарованного Сердца.

Ведь такое Сердце прощает.

Такое Сердце позволяет.

Такое Сердце прозрачно любит.

Такое Сердце может узреть Истину и Бога.

**19) КАМИНО: В ДАЛЬ, ИЗ ПЛЕНА, ПРОЧЬ
ОТ МАТЕРИ. КОТ ГОСПОДЕНЬ.
REDONDELA – PONTEVEDRA (ОКОЛО 19 КМ).**

Порою, важен зачин.
Исходное настроение.
И его прекрасно даёт некий стих:

I'VE BEEN GIVEN A BODY...

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть –
Узора милого не зачеркнуть.

1909

Написал сей вирш Осип Мандельштам.

Утро. Время тишины и покоя. Около шести. Подъем. Ещё царство темноты. Не стоит путать сентиментальность и тонкость погружения в Малое Созерцание; вульгарность не есть сила. Выбравший своей женою земную женщину, неизбежно платит сво-

бодой; игнорирующий Женское – костенеет в самообмане и компенсациях. В контакте с земными дамами принципиально уметь не растрчивать всё время себя и не быть рабом похоти, а в жёны берётся эфемерное существо нездешних миров. Смещение идеала и яви – ошибка, стоящая исключительно много.

Божество секса, эротики, сентиментальности и уюта оканчивается силками обычной семьи, которая всегда находится в концлагере Великой Матери.

Кибела жестока к мужчинам.

Женщины для Кибелы не более чем расходный материал. Её суть – бесконечное количественное воспроизведение любой ценой...

Мужское Начало может играть роль посвящающего, активирующего, приводящего к Качеству Женское, включать в нём иные, нематриархальные режимы жизни. Как правило, после упадка и ухода Рыцарства, мужчине уготована роль не более чем обеспечителя, слуги и расходного материала.

Формула Достоинства состоит, в числе прочего, в отсутствии реактивности. Приятное не должно стягивать на себя, неприятное не должно быть причиной убегания от него. Некая нейтральная Сфера, однако, не мёртвая, а тонко пульсирующая. Эта пульсация и есть Блаженство, то есть – удовольствие без привязанности.

Раб кнута и пряника, всегда раб Великой Матери. Любого рода нахождение в поле Кибелы гарантированно отсекает от Бога и Истины.

Выходим в 7.30.

Народа на Тропе немало. Обгоняем. Нас обгоняют. Мозоли натираются. Пробиваются.

Шелестит круг священных слогов. Молитв...

Словом, идём.

Перед Arkade прямо на обочине Камино происходит знаменательная встреча: сидит, как только и умеют эти бестии, Кот. Самодостаточно. Собранно. Сущностно. Как божество.

Здороваюсь с ним. Отвечает. Кормим его; Кот очень крепкий, крупный, упитанный, тем не менее, ест с изрядным аппетитом. Радуюемся вместе с ним.

Восхитительно. Наше взаимодействие с Котом тут же и мгновенно рождает большой шар любви. Камино-туристы проходят мимо, только некоторые улыбаются на эту тему и что-то говорят. Большинство заколдовано фитнес-проходом и чувствуется, что их состояние коридорное и жёсткое...

Есть такой католический Орден, Доминиканцы. Переводится сие как «Псы Господни». Почему такое, на первый взгляд, странное название, вроде бы понятно: «собачья верность», трансформация из Волка-хищника в Пса-слугу и тому подобное... В этом плане интересный бы был Орден – Доминикатус – Божественных Котов. Кот – bestия удивительная: её глаза сияют самовозникшим светом, мурчание проводит Вибрацию Единого и он гуляет сам по себе.

Гулять самому по себе.

Коты на Камино.

Дорога сегодня приятная, леса, пригорки да домики. То вверх, то вниз...

Мужчина больше направлен наружу и для него катастрофична длительная направленная фиксация на предмете вожделения. Женщина, внутрь; её разрушает постоянное потакание своему эгоцентризму.

Отсюда. Брак.

Будто субтильная Вода (Эссенция Женственности, Наша Чистая Сестра) обнимает равномерно снаружи, как Нотр-Дам.

Даме, наоборот: тихий Светильник в благоухающей матке. Вместе: Солнце, Круг с Точкой в центре.

Идём далее по Тропе. Ближе к Понтеведре Камино змеится вдоль весьма приятной речушки. Тень.

Солнце: Круг и Точка.

Ракушка с Красным Крестом Матамороса: Раковина, Вода, Особое Море – объятие Мужа, как Нотр-Дам вмещает Паломника; Красная Точка Пламени – огненный Центр. И то, и другое. Соитие; Камино – способ...

Равномерность себя во всём объёме тела и равновеликий Экстаз/Энтаз во все стороны, коих, для контроля, восемь. Такое устойчивое состояние и есть Ключ к здоровью во всех смыслах...

Около 14.00 мы в Понтаведра. Сегодня переход закончен. Идём сразу ко Храму.

Он обладает некой готической основой и, особенно нервюры, очень даже естественно, как переливы звёзд, ныряют в тайны моря расходящейся Океаносом, души.

Приближение к Солнечному Символу (Круг с Точкой) сообщает координаты состояний на Камино.

Тело не должно быть чрезмерно возбуждено; дыхание не перенапрягается, оно естественно пронизывает всё тело; скорость передвижения такая, чтобы работа дыхания не спотыкалась и не ужималась. Тело распушено в душу и готово её однородно принять в себя.

Пневма-энергия в своеобразном модусе: будто готов резко и мощно кого-то ударить и одновременно поймать, мощно и сильно брошенную ранимую хрустальную чашу... способен ощущать тончайшие ароматы и решительно рубануть стальным клинком. Описанное не аспектуально, но присутствует в едином смешении...

Ум спокоен, но не закрыт. Касательно Камино он настроен распознавать его Знаки...

Понтеведра. Небольшой галисийский городок. Необычайно приятно после дня перехода, в одиночестве, только в обнимку со свежей аскезой, неторопливо гулять им. Пробовать на субтильный вкус.

Слушать шум непонятной речи.

Созерцать прохожих с одинокой скамейки...

На Север.

Именно туда направлено Камино Португез.

Владимира Высоцкого сложно назвать утончённым поэтом-мистиком. Однако, часто, его стихи-песни гениальны вполне, по крайней мере особым искренним Видением.

Есть у него великолепное творение на тему:

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ.

Все года и века и эпохи подряд
Все стремится к теплу от морозов и вьюг.
Почему ж эти птицы на север летят,
Если птицам положено только на юг?

Слава им не нужна и величие.
Вот под крыльями кончится лед,
И найдут они счастье птичье,
Как награду за дерзкий полет.

Что же нам не жилось, что же нам не спалось?
Что нас выгнало в путь по высокой волне?
Нам сиянья пока наблюдать не пришлось.
Это редко бывает – сиянья в цене!

Тишина. Только чайки – как молнии.
Пустотой мы их кормим из рук.
Но наградой нам за безмолвие
Обязательно будет звук.

Как давно снятся нам только белые сны,
Все иные оттенки снега замели.
Мы ослепли давно от такой белизны,
Но прозреем от черной полосы земли.

Наше горло отпустит молчание,
Наша слабость растает, как тень.
И наградой за ночи отчаянья
Будет вечный полярный день.

Север, воля, надежда, – страна без границ,
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выключает глаз из глазниц,
Потому что не водится здесь воронья.

Кто не верил в дурные пророчества,
В снег не лег ни на миг отдохнуть,
Тем наградой за одиночество
Должен встретиться кто-нибудь.

20) ДЕНЬ 11. PONTEVEDRA – CALDAS DE REIS (ОКОЛО 23 КМ).

Паломничество...

На первый современный взгляд – совершенно странное времяпрепровождение. Оно в такого рода исходных, воспринимается прогулкой, «получением впечатлений», фитнес-мероприятием...

Кто-то хотя бы как-то, по крайней мере, декларативно, ставит вопрос о поиске некого смысла или, даже, Смысла. Некоторые просто следуют традиции... а в целом, конечно, и это весьма печально, Камино де Сантьяго уже представляет некий бренд со всеми вытекающими. Этот бренд созвучен йога-бренду, фитнес-бренду, бренду трекинговых одежд и обуви...

Пока что, на Камино Португез встречаются некие фитнес-бабушки и фитнес-дедушки: да, спору нет, они бодры и в хорошей телесной форме. Но: не замечено пока что ни одной светлой, тихой и тропящей к Духу Святому бабушки и такого же укоренённого в опыте духовной Правды, дедушки. Вереницы цитат из брендов, аспекты трендов, то есть – современные люди, вереницами таких похожих муравьёв сунут к Сантьяго.

Характерно: когда мы вчера на Тропе кормили и играли, гладили, великолепного Придорожного Кота, из трёх-четырёх десятков «каминщиков» обратили на это дело внимание не более пяти-шести человек; остальные браво и направленно шли в фитнес-коридоре и даже не глядели на это чудо...

Естественно, такого рода персонажи, в принципе, ни к чему Священному и Божественному даже не приближались.

Вывод отсюда прост: современное Камино очень, чрезмерно, социально. А социум сейчас ужасен.

Есть, безусловно есть, немногие не от мира сего. Но они походы на Тропе не делают.

Человеку духовно неопытному, ещё не обретшему свой Путь, не узревшему Звезды Парадигмы, лучше на Камино не идти: социум и тренд, скорее всего поглотят его тусовкой и своими логи-

стическими аспектами. Сегодня Камино является воинским вызовом дару различения духов и проверкой рыцарской Чести на «не подносить хлеба демонам».

В связи со сказанным вспоминается куплет из песни Высоцкого, характеризующий интонации человеческого курятника в режиме пассивного принятия своего рабства:

Думал я – наконец не увижу я скоро
Лагерьей, лагерей, –
Но попал в этот пыльный расплывчатый город
Без людей, без людей.
Бродят толпы людей, на людей непохожих,
Равнодушных, слепых, –
Я заглядывал в черные лица прохожих –
Ни своих, ни чужих.

И всё-таки, чем ночь темней тем звёзды ярче. Переход Камино в фактор Количества и утрата аспекта Качества – не более, чем перемена условий Полигона-Лабиринта. Для вызревших и зрелых душ – это новое испытание, ведь для Рыцарства, где труднее – там достойнее.

Каждый самоцвет Тропы, достойный человек на ней, вполне равен сотням Пилигримов Средних Веков, ведь тогда социальная среда всячески способствовала Опусам поиска Качества, по сути, являлась продолжением Орденов и Деяний Святых и Адептов.

Потом произошли каскады трагического по силе падения Качества и началось это в период 1307–1314 годов уничтожением Ордена Тамплиеров. А уже позже, в основном в шестнадцатом веке, основной европейский вектор ушёл в чёрную магию оперативного материализма, произошёл кардинальный разрыв.

Сегодня всё против сущностного Паломничества, множество подмен, обманов и симулякров на этом пути. Но тем более велик Подвиг тех, кто даже в часы такого страшного упадка смог совершить Пилигримаж в Правде Истины и Бога. На этих героях всё ещё держится этот мир...

Война.

Да, война. Война Священная. Война за выживание. Война с социумом, Великой Матерью и с телесностью...

Тотальная Война.

Конечно, есть не только она, существуют абсолютно иные и равновеликие взгляды на жизнь.

Однако, начинать вход в Опус следует именно с оппозиции обществу.

В том числе, сие означает: на Камино Ты на войне, это воинская операция. А значит, закончиться она может чем угодно...

Далее следует апофатическое остужение: никто никому ничего не должен и никому ни до кого нет дела, «всё равно уходит каждый на свою звезду». Прозрачное Одиночество всецелой Отрешённости. Покой и невовлечённость. Тишина и созерцание; люди на Тропе скользят мимо невзрачными тенями. Всё равно никогда доподлинно неизвестно, в каком измерении и в каком состоянии кто находится и потому невозможно судить точно.

Такое состояние дарует своеобразную прохладу...

Третье видение: тепло и Любовь. Как ни крути, все, кто на Камино – братья и сёстры Тропы. Все связаны одной судьбой и, в принципе, настроены в целом достаточно дружелюбно друг к другу. Никто особо не проявляет агрессии, почти все здороваются и нередко улыбаются. Погода хорошая, много леса по пути, все вообще-то почти живы...

Выходим сегодня около 8.30.

Дорога идёт по лесам и через населёнку.

Вышеозначенные три позиции для нормального человека противоречивы и не могут одновременно сосуществовать. Но в том то и улыбка первого Снега, что в случае жизни живой одновременно правильны все три взгляда. Их сплавление в единство даёт распаханное немое замешательство, собственно, из оперативности которого возможны путевые Жесты.

Внешнее Камино-бренд ультимативно и навязчиво наполнено толерантностью, фитнес-спортивностью, йога-трендом и высокими идеями похудения. Исходниками именно для таких состояний является не даже поверхностная религиозная суть Камино де Сантьяго, но два симулякра непонятно чего: всецело наигранный, примитивный и крайне поверхностный х/ф Эстевеса «Путь» и не менее ньюэйджская профанация Коэлья «Дневник мага». Впрочем, последняя брошюрка хотя бы немного претендует на какую-то глубину, однако идеи сей повести, в корне противоречат Рыцарскому Духу Камино и вульгарно заигрывают с примитивизмом масс.

Сегодняшний переход довольно обычен: холмы Галисии, множество домиков, мало местных, очень много камино-туристов... жара. Сильная, спека, кажется, асфальт плавится, отражённый жар атакует кости и сжигает открытые участки кожи.

Аккордом некоторого облегчения становится заход на водопады, находящиеся чуть в стороне от Камино.

Приблизительно к 17.00 мы, наконец, на месте.

Немного отдохнув, творим Орденскую Практику: поём два псалма Тамплиеров.

«CRUCEM SANCTAM» – как бы пробивает инфермальную инерцию, разжигает Тайный Огонь, инициирует Рыцарский Опус.

«DA PACEM DOMINE» – разливает божественный Мир здесь и освящает пребывание в Опусе.

Пространство изменяется. Небесное Вино проявляется тут.

День близится к завершению.

В нашем городке оказывается весьма интересный Храм, с южной стороны от него – пальмовая роща, наверное, десятка три этих благородных и высоких деревьев. Тампль посвящён Томасу Беккету, имеет формы, близкие к Романским и внутри находятся пять деревянных Готических Алтарей. Несколько портят дело большое количество сентиментальных статуй, больше похожих на кукол для игры. Однако, в общем, состояние транслируется качественное.

Ночь.

Сны.

Ещё два дня, два Всадника на одном коне Пилигримажа и –
Звёздное Поле.

21) ДЕНЬ 12. В PADRON. ПОСОХ СЕМИ ЗВЁЗД.

Камино, особенно если выбранный Вами вариант, превышает сто километров, лучше идти с Посохом. Многие берут трекинговые палки, но, всё-таки, Посох и традиционнее, и вообще удобнее.

Важно правильно выбрать посох. Идеально, если он равен Вашему росту или чуть длиннее: тогда хорошо работает маятниковый противовес. Ни в коем случае нельзя брать, особенно на длинные Камино, посохи, сделанные из пород дерева с наличием шипов, например из акации.

Посох немного уберёжёт ноги и даст возможность выполнить ряд Упражнений Пилигрима, что ещё важнее...

Выходим около 7.30. Утренняя прохлада. Городок ещё спит. Только вереницы ходяков по Камино: большинство – трекинг-туристы, некоторые, Пилигримы. Стук палок о мостовую. Несу свой Посох в руке, не хочу лишать это утро девственности тишины.

Переходим старый каменный мост, на нём – каменное Распятие, видимо, транслируется намёк о том, что Спаситель является Мостом...

Одежда и Камино.

Утилитарный подход сразу диктует приоритеты «правильной и оптимальной одежды», что, конечно, в корне неверно.

Из одеяния, в первую очередь, имеет смысл обрести Флаг: Белую Раковину с Красным Крестом Матамороса.

Во вторую, стих о Saudade, дабы не было иллюзии овладения и ошибки приватизации (да и чтобы не забыть под кем ходишь):

Край мой небывалый,
которого нет,
ангелок усталый,
невиданный свет,
полон лебедой,
полон мертвой водой –

дом на сотни лет,
неразлучный с бедой.

В том краю жасмина
не встретите вы.
Небо там пустынно,
озера мертвы.
Где тот край, не знаю,
от вас не таю –
просто умираю
в неизвестном краю.

Ни паром, ни барка
не возят туда,
там мостов не видно,
не ходят суда:
не ищи мой остров –
не стоит труда.

Он похож на сказку,
похож на игру,
он, как вещий сон,
что растаял к утру –
мой неизвестный край,
где живу и умру.

Он на свет явился
не сразу, поверь –
по частям сложился
из многих потерь:
милое бывшее,
отрада моя,
все, что было мною,
а нынче – не я.

Горные породы,
нагие хребты,
чудо-огороды

и чудо-цветы,
 охра да индиго
 такой красоты!
 Из былого вести
 сошлись надо мной,
 закружились вместе
 и стали страной!

Облачные зданья —
 воздушный обман,
 свежее дыханье
 ушедших в туман —
 все вокруг вбираю
 в отчизну мою:
 здесь я умираю —
 в безвестном краю.

(Габриэла Мистраль)

Подавляющее большинство идущих по Камино используют привычные бренды трекинговой одежды и потому, впечатление такое, будто происходит какой-то нескончаемый фитнес-марафон. Женщины, прямо сказать, в общем выглядят весьма сексуально и эротически агрессивно (если, конечно, есть чем и как это радиировать). Для нас, в связи со спецификой Линий Передачи, это не проблема, вот только для Христианства и христиан, сие недопустимо и внутри такого контекста рассматривается исключительно как осквернение и демоническая агрессия, а также — как фоновая кастрация внутри социокультурного контекста...

Мы предпочитаем использовать скромную аскетичную одежду и считаем это правильно, ибо Камино, в большой мере, всё-таки Священная Тропа, связанная с нормативностью Учения Христа.

Чёрные штаны, камуфляжная городская серая куртка... в этом идти не очень, удобно, но Чисто. И правильно.

Тело, несмотря на жару, пот и другие неудобства, должно быть полностью закрыто довольно аскетичной одеждой. Так оперативно манифестируется Принцип Лат: одежда ассоциируется с Доспехами, а те герметизируют измерение оператора, устанавливая дистанцию к миру.

Открытые и обнажённые руки, ноги, части туловища, снимают приватность каждого, сливая всех в одно месиво мерзкой толерантности.

Одежда-доспехи, очень неплохо, если хотя бы как-то апеллирует к военной теме и к её специфической собранности. Знаками модусов Тайного Огня могут быть малозаметные нашивки или значки, прикреплённые в определённых местах на одежду или вещи.

Все свои вещи необходимо нести самому: это также часть героической аскезы. Посох в руке осознаётся не только как разновидность костыля, но и ощущается смертоносным оружием, которое, кстати, также подразумевает большую дистанцию...

Все эти моменты в своей совокупности оживляются мифами оператора-мужчины и ощущаются необходимыми экранами для сохранения специфики собственного Опуса; происходит отсечение волн Великой Матери и социума.

Женщина на Камино сделает весьма неплохо если осознанно и добровольно откажется от эротических медиаторов в виде открытой одежды...

В нитях камуфляжной куртки Муж на Тропе, он же – Воин, ощущает, например, такое:

Холодный блеск и звон меня,
Когда тебя пронзаю я
Я кости лезвием крошу
И кровь горячую я пью

Срываю головы я с плеч
Зовут меня – Разящий меч
И если встанешь на пути,
Тебе живым уж не уйти.
И сколько было чудаков,

Все говорящих про любовь,
 Про милосердие и честь –
 Теперь могилы их не счесть.
 Убил я много подлецов
 И благородных, и лжецов.
 Я просто то, что рвет на части
 Моя природа – все кромсать
 И вещи точно разделять.

Лишь ты решаешь, где мне биться
 Где мне звенеть и где искриться,
 И ты десницею своей меня направишь –
 Не убей! Коль можно все решить спокойно
 Будь чист и смел – руби достойно!

* * *

Не ахти какой вирш, его вряд ли можно отправить на конкурс молодых поэтов, посвящённый Серебряному веку, но определённый заряд там всё же есть...

Теперь настало время поговорить о Посохе Семи Звёзд и Четырёх Сторон, или – о Посохе Двадцати Восьми.

Семь и его производные несут базовый Ритм Творчества и Превосхождения чего-либо.

Двадцать Восемь: таково количество Царей на Фасаде Нотр-Дам-де-Пари, столько звёзд в Ковше, а четыре его позиции и есть Свастика...

В ходьбе по Тропе сильно ударяешь Посохом двояко: под одноимённую ногу, отслеживая наполнение левой или правой стороны; и под разноимённую – чувствуя диагональ. Семь ударов подряд под каждый вариант сочетания, коих четыре, в сумме – 28 ударов. Это один цикл. Такие циклы могут повторяться один за другим.

Удар в землю наносится Посохом вертикально, приблизительно под каждый четвёртый шаг и довольно сильно.

В момент удара идёт сосредоточение на вертикальной вибрации и на ощущении отсечения: такое действие ассоциируется с ударом Молнии.

Можно, также, чувство вертикали в момент удара актуализировать в глубине своего тела, как бы ощущая некий Центральный Столб перед позвоночником, ищущий от промежности до макушки...

Дорога сегодня не особо прихотлива. Встречается пару интересных Храмов, однако они – всё в том же состоянии «сейфа с благодатью»: закрыты.

Удары Посоха в землю.

Попрание земли Молнией.

Ритм.

Шаг.

Отсечение всего вялого, лишнего и муторного.

Таков Посох Семи Звёзд.

Городок Padron.

Завтра завершающий переход в Звёздное Поле.

22) ДЕНЬ 13. К ПОЛЮ ЗВЁЗД. В САНТЬЯГО (ОКОЛО 24-25 КМ).

Игры ума...

Войны ума.

Эта книга, наверное, ощущается вполне серьёзной. В ней практически до сего момента нагнеталось некое крайне ответственное отношение к Пилигримажу.

И, всё-таки, с позиции созерцания Чёрной Розы, приходится сделать шокирующее замечание: Паломничество тоже игра ума.

Тогда, казалось бы, вопрос, а в чём разница между таким заявлением и современным трендом?

Разница есть.

И она колоссальная.

Легкомыслие легкомыслию рознь.

Позиция игры хотя и предполагает меньшую заангажированность, но можно и доиграться. Можно, вполне можно, проиграть жизнь. Проиграть душу...

Серьёзное отношение к себе сковывает. Накладывает отпечаток гордыни...

Тут очень тонкий момент: необходим Трепет и в то же время – Беззаботность. Измерение, где Ты не можешь приватизировать ситуацию, где то и дело возникает открытое изумление – самое то...

Аспекты Истины умопостигаемы. Вся Полнота Истины за пределами Ума.

Светлый Авантюризм, пропитанный Священным Трепетом и полный освобождённой раскованности... как-то так, наверное, можно охарактеризовать модус приемлемого состояния на Камине.

А если его выразить мифо-поэтично, то пред нами возникнет образ Странствующего Рыцаря.

Это, ни в коем случае, не джентельмен и не интеллигент, ему чужда вульгарность сословия производителей, корысть и хитрость торговцев...

Рыцарь – прямое воплощение Духа Матамороса-Иакова. Конечно, у современников, со времён Сервантеса и его Дон Кихота, Рыцарство ощущается шутовством, нелепостью, инфантильным романтизмом: субтильные стихии слишком эфемерны для жлобства фиксированных на обеспечении своей лишённости путём соискания гарантий комфорта, денег и престижа.

Камино де Сантьяго, впрочем, как известно, и весь наш мир, захвачено тотальностью гинекократического и матриархального насилия. Эта парадигма всецело обуславливает любые сценарии терпил. Женщины здесь тоже не выражают себя, не торжествуют, они – не более чем проводники энергий Великой Матери и потому, при определённой бодрости, всё равно перманентно глубоко несчастны. И ничто не помогает и помочь не может в принципе, ибо удовлетворённость и счастье являются аспектами Качества, вселенная же Великой Матери существует исключительно в измерении Количества...

Переход сегодня, вроде, небольшой. Тем не менее, пожалуй, самый сложный за это Камино.

Сразу за городком Падрон находится место Ирия Флавия: сюда по преданию причалила лодка с мощами Святого Иакова...

Переход.

И вот – около 16.00 мы на площади перед Собором. Водопад нечеловеческих чувств разрывает нас. Мы не особо сентиментальны, сознание спокойно и устойчиво, и тем не менее, у всех нас текут слёзы.

Слёзы от встречи с чем-то одновременно предельно сущностно-человеческим и вообще не имеющим отношения к суете мирской...

Сотни дорог, тысячи троп со всей Европы, наверное, миллионы шедших... сотни лет... всё это встречается на площади пред Собором. Её называют «Рай»...

Такое чувство, будто реки блаженства и потоки страдания сошлись здесь вместе... это и выворачивает грудь, поэтому и льётся золотое Вино слёз особого облегчения.

Камино Португез окончено.

Что-то, начавшееся впервые, завершено навсегда.

Сидим.

Идём обнимать Святого Иакова и отдать славу Его мощам.

Сантьяго. Воскресенье. Сентябрь.

Нам не хочется опошлять такой приход какими-то дипломами, стоянием в очереди за грамотами и прочей мирской ерундой.

Мы смотрим на Собор. Впитываем место это. Поминаем Братьев и Сестёр...

Вечером, даже уже ночью, прямо на площади делаем Ритуал Тройной Чаши и пьём Наше Красное Белое Вино. На нас никто не обращает внимание и всё проходит гладко.

Камино, начатое нами в Барселуше, в Португалии, в городе под эгидой воскресшей Огненной Птицы, завершается в Звёздном Поле.

Камино – это притча.

Для каждого своя...

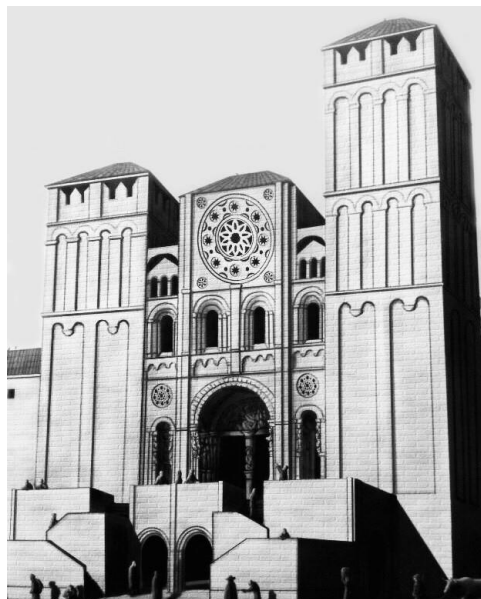
Сегодня, как бы случайно, открывается Евангелие от Матфея, глава 13-я в 13-й день Паломничества.

Вот цитата:

Матфея 13:10–17

«10 И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им?

11 Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано,

12 ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет;

13 потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют;

14 и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: «слухом услышите – и не уразумеее, и глазами смотреть будете – и не увидите,

15 ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их».

16 Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат,

17 ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали».

Комментарии, в данном случае, излишни.

23) ДЕНЬ 14. КРАЙ СВЕТА: МУШИЯ.

Возможно Вас сие удивит, но начнём мы опять с одежды. Итак понятно, что она защищает от холода, влаги и механических повреждений. Назовём сей утилитаризм магией одежды.

Вторая, не менее значимая линия – как бы «мистика» одеяния: эстетический вид, вкладываемые смыслы и тому подобное...

Возьмём, к примеру, эротические элементы женского декора, например, чулки: они являются неким медиатором, некой визуально воспринимаемой структурой, которая усиливает «излучение» бёдер и ягодиц, контрастирует с более нежной модуляцией груди. Так женщина распространяет себя как аспект эротического умножения, часто, даже агрессии. Чулки, короткая юбка, обтягивающие штаны, волосы... другие формулы эротической модуляции вовне, – всё это является оперативной властью над вниманием мужчины. Способ Великой Матери, через и посредством всего разнообразия женских тел в характерных активных модулях, подчинить и сделать всецело объектным Мужское Начало.

Зададимся вопросом: а в чём же суть Мужского?

В героической динамике жизни. Собственно, Героическое и есть Мужское.

Любого рода стремление к стабильности, комфорту, деньгам, власти, известности, престижу, культ семьи и детей... – всё это на корню уничтожает Мужской Принцип. Иметь всё перечисленное выше, можно, этим можно даже наслаждаться, но оно не должно ощущаться важным, значимым и ценным, к этому нельзя стремиться и привязываться.

А к чему же стремится Мужское?

В чистом виде – к Истине и Богу, оперативно – к выходу за пределы...

Интровертный Полюс Мужской Сути – одиночество Монаха-Отшельника, Адептата вдали от людей; экстравертный – Путь Воина и Паломника, то есть – Рыцаря; сбалансированный тип – Царь и/или Тамплиер-Тевтон...

Этому типу людей соответствует своя одежда. Она в чём-то весьма подобная: Доспехи и Монашеская Мантия.

Доспехи символизируют и Панцирь, и Зеркало, они также переживаются Котлом Операций. В любом случае, они устанавливают дистанцию со всем, что претендует на захват и обуславливает. Обладатель Лат как бы сам свой, он, получив при Посвящении Искру Логоса, оберегает её, не давая проникнуть в Сосуд духам и пневмам Великой Матери. Сие создаёт предпосылку дальнейшего андрогинного Опуса. Лицо закрыто забралом или просто шлемом: его нет. Как нет и лицемерной личности и своеволия.

Монашеское одеяние подразумевает глубокий капюшон, также растворяющий обличье...

Сталь Доспехов.

Сталь Меча.

Сталь Атлантического Океана.

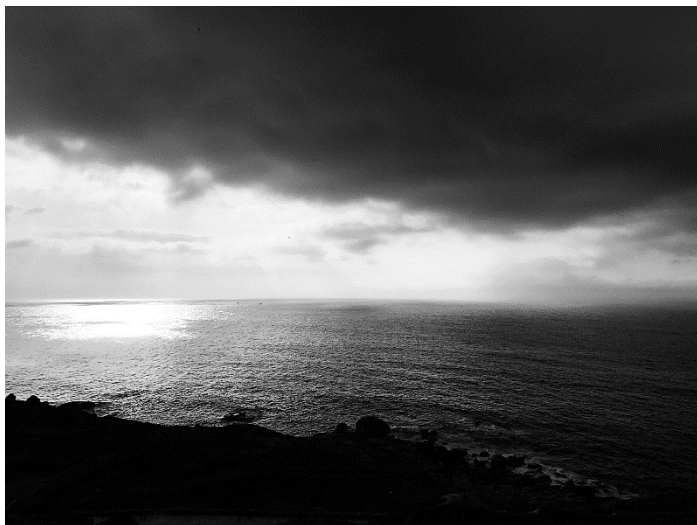
Утром мы едем из Сантьяго в Мушию. Если Финистерра – это Край Света, то Мушия – Ворота в Иное. Портал. Дверь в Запад.

Может показаться, что полуостров Мушии – одно из самых прекрасных мест на земле.

Так и есть.

Однако: смысл Мушии совсем не в этом – она рассказывает притчи о теряемых иллюзиях. Причём, не о поверхностном слое, но о глубине их, которая исчерпывается, вырываемая с кровью и отчаянием.

Можно, конечно, Камино де Сантьяго описать биографически, рассказав историю конкретных людей на конкретной Тропе. И этот наш Пилигримаж был достаточно драматичным даже для довольно динамичного, непредсказуемого и интересного рассказа. Тем не менее, описывать сие так, повествовательно, мы не будем: важна эссенция и намёки. Пусть читатель не просто реагирует на перипетии чужих судеб, но активно расшифровывает Притчи и Арканы...

Догорал мушианский день. Стальная плоть Атлантики своим серым щитом утекала в Иное. Взгляд скользил по этому, подёрнутому рябью волн, столу: то ли – игровому, то ли – хирургическому, то ли – в морге. Мы смотрели в Закат и печаль волнами накатывала в глаза и горло.

Мы завершили ещё один Пилигримаж. Что-то он открыл.

Что-то отсёк.

Но самое ужасное: приоткрылась створка раковины «вне иллюзий».

Каждый смотрелся в своё зеркало и опять, снова, предпочитал там видеть новые самообманы.

Я замечал это.

Видел.

Но понимал: говорить бесполезно, многое, очень многое, уже сказано. Нечто должно исчерпаться. Время подходит.

Были и глаза, в которых различалась новая зарница божественной сухозлотицы. Из них исходил другой свет, он ложился на камни мушианской горы и, по крайней мере, на время, открывались оазисы «по-другому»...

Приходило время сокрытия. Час Доспехов и тихого наблюдения. Война с Великой Матерью бесперспективна: её следует пустотно, просто, распахнуто игнорировать.

Демоны пожрут сами себя.

Время Заката.

Страна Запада.

Мушия.

Исходил и этот день. В Мушии всё бушевал какой-то их местных праздник. Народ пьянствовал, ходил, играл, томился. На сцене пели какую-то испанскую попсу.

Мажорную попсу...

Эти картинки накладывались на картины Босха и общий делирий уплывал в суету повторяющихся конвульсий.

Мушия прощалась сама с собой.

24) ДЕНЬ 15. МУШИЯ: БЕРЕГ МЁРТВЫХ.

Истина есть.

Бог есть.

Никаких сомнений.

Существует Путь и Пути к Ним. Это тоже понятно совершенно ясно.

Вот только есть одно из существенных «но».

Матриархат.

Гинекократия.

Власть Великой Матери.

В наших условиях, рано или поздно, эта тема касается всех и каждого. Так уж случилось, что в определённом смысле, она центральная.

И дело здесь вовсе не в доминации женщин с их прихотями и интересами, такое понимание Матриархата крайне поверхностно. Внутри ситуации Победившей Матери страдают все и женщины тоже.

Возможно, даже, больше мужчин, хотя парадокс в том и состоит, что они это не ощущают прямо и не понимают в чём дело.

Путь Истины, а значит – Тропа освобождения от страданий и неудовлетворённости, в их пневматическом выражении означает культивацию Андрогината. Священной нейтральной энергии самых разных степеней очистки.

Для сего Опуса необходимы Мужское и Женское в очищенном виде. Причём, Мужской Героический Принцип первичен, так как необходимо преодолеть инерцию Материи, связанную с доминацией ограничений физическим телом.

Матриархат/Гинекократия, Власть Великой Матери, на корню давит этот Мужской Принцип. Следствие: Качества нет вообще, остаётся только бессмысленное количественное воспроизведение под зековским девизом «Ты сдохни сегодня, а я сдохну завтра» самых разных форм и видов.

Понятно, что внутри такой ситуации всецело невозможен никакой Духовный Путь Освобождения.

Писать о тотальной победе Кибелы можно очень много, мы этого делать не будем. Отсылаем заинтересованного читателя, во-первых, к книгам Евгения Головина, во-вторых – к материалам ютуб-ресурса «Северный Тевтон» и к книгам Вечного Сентября. Там Вы найдёте исчерпывающее описание и объяснение этой темы...

Христианство.

Похоже, ему особо ничего не светит. Как и маловероятна, например, буддистская, даже самая начальная Реализация и так далее...

В мире торжествующей Великой Матери ищут не Истину, но всегда Силу. Находят не её, а бесконечные симулякры оной.

Камино де Сантьяго абсолютно и совершенно бессмысленен внутри энергий и настроений, форм проистекания матриархата. Его суть – Тропа Андрогинности. Входные Врата: Героическая Дорога Мужественности. Блажен тот, кто способен на нейтральный Опус. Счастлив на порядок меньше, Воин, бросивший вызов Царству Матерей.

Прокляты и попораны, согласившиеся с доминацией Кибелы. Они не только поруганы сами, но и являются сотрудниками в деле порабощения остальных.

Великая Мать всецело безжалостна: она одинаково перемалывает судьбы и мужчин, и женщин. Проблема ещё и в том, что вульгарные потуги домостроя патриархата – не более чем компенсация духовных кастратов, чинимая из боли, страха и обид.

Как это ни странно, но прямая и грубая попытка подавления Матриархата/Гинекократии, навязчивые убеждения в ценности доминации мужского начала, вообще любая энергичная и дихотомная деятельность на эту тему, только усиливают Великую Мать.

Единственное эффективное средство в плане взаимодействия с цитатами Кибелы (то есть, с конкретными женщинами в такого рода оперативности) – это апофатический ответ. Внутренняя невовлечённость во все игры жён, созерцание Царства Нашего Магнита так, как будто все вещи подлунного мира прозрачны, эфемерны и не имеют особого значения.

Оперативно в быту, конспективно и пунктирно означенное выше, проявляется искусством Дистанции. Любая полная открытость, окончательное доверие или душевная тотальность слияния с земной женщиной, в условиях матриархата есть начало очень больших проблем, войн и конфликтов... либо – сдачи своей судьбы в жестокую круговерть вне Глубины и Смысла.

Последнее ближайшее время к нам, когда ситуация была благосклонна к Мужскому, читай Героическому – это Средние Века. После попраания Тамплиеров, в европейской Ойкумене около трёхсот лет нарастал реванш Великой Матери и уже несколько столетий мы находимся в состоянии практически полной победы Количества и Кибелы. Одним из внешних проявлений такого процесса является технический прогресс и развитие современного типа науки...

Иногда, Великая Мать, посредством своих медиумов, не камуфлируется привычно, а вещает вполне откровенно. Вот характерный пример, текст группы «IC3PEAK», под названием «Грустная сука»:

Я никогда не была глупой
Я никогда не буду счастливой
Грустная сука, грустная сука
Да, это мой осознанный выбор
Я никогда не точила клыки
Я сразу была рождена острозубой
Грустная сука, грустная сука
Да, это мой осознанный выбор

Перекрестись, когда видишь меня
Подрываю твои убеждения
Порчу твой день своим блеклым лицом
Не волнуют твои возмущения
Дикie пcины боятся меня и огня
Это не совпадение
Сижy и блюю на твой мраморный пол
Скалю зубы на тень в отражении

Перекрестись, когда видишь меня
 Подрываю твои убеждения
 Порчу твой день своим блеклым лицом
 Не волнуют твои возмущения
 Дикie пcины боятся меня и огня
 Это не cовпадение
 Сижy и блюю на твой мраморный пол
 Скалю зубы на тень в отражении

Я никогда не была глупой
 Я никогда не буду счастливой
 Грустная сука, грустная сука
 Да, это мой осознанный выбор
 Я никогда не точила клыки
 Я сразу была рождена острозубой
 Грустная сука, грустная сука
 Да, это мой осознанный выбор
 Я никогда не была глупой
 Я никогда не буду счастливой
 Грустная сука, грустная сука
 Да, это мой осознанный выбор
 Я никогда не точила клыки
 Я сразу была рождена острозубой
 Грустная сука, грустная сука
 Да, это мой осознанный выбор

Здесь мне никто не хозяин
 Лакшари лайф – не мой стайл
 Я люблю грязь – это мой кайф
 Улыбаюсь только кусая
 Здесь мне никто не хозяин
 Лакшари лайф – не мой стайл
 Я люблю грязь – это мой кайф
 Улыбаюсь только кусая
 Здесь мне никто не хозяин
 Лакшари лайф – не мой стайл
 Я люблю грязь – это мой кайф
 Улыбаюсь только кусая

Здесь мне никто не хозяин
 Лакшари лайф – не мой стайл
 Я люблю грязь – это мой кайф
 Улыбаюсь только кусая

Перекрестись, когда видишь меня
 Подрываю твои убеждения
 Порчу твой день своим блеклым лицом
 Не волнуют твои возмущения
 Дикie пcины боятся меня и огня
 Это не совпадение
 Сижy и блюю на твой мраморный пол
 Скалю зубы на тень в отражении

Автор сего шедевра, точнее медиум-проводник, некто Настя Креслина. Вместе со своим партнёром, Николаем Костылёвым, они вполне успешный «музыкальный коллектив»...

Конечно, как правило, так откровенно суть Великой Матери не выражается, всё мягко вуалируется и острое ядовитое лезвие подносится в обрамлении и под видом сладкого мёда. И потому такие откровенные истечения исключительно ценны: они однозначно сообщают, что пощады нет и не будет и что под небом слепой Луны уготовано только рабство. Для всех.

И для каждого.

Камино де Сантьяго, как бренд (а это сейчас процентов так 90 оперативности Тропы Иакова), порождено х/ф «Путь» (режиссёр Эстевес Э.) и книжонкой Пауло Коэльо «Путь мага». Оба этих шедевра насквозь пропитаны матриархальными и гинекократическими ценностями. Потому, вполне логично, что и бренд «камино де сантьяго» насыщен до предела тем, что в корне несовместимо с Камино де Сантьяго. Эта оппозиция непримирима и категорична.

Мушия что-то праздновала.

Всю ночь, до четырёх утра, атаковала какофония звуков, пьяные крики и децибелы «празднества». Сквозь видимое веселие и позитив, страшной, пронзительной, нотой вопило отчаяние.

Потому так энергично все и куролесили: от ужасной боли.

Страна предельно Героической Реконкисты, Страна Матамороса и Тамплиеров, Страна Раймунда Луллия, Сида Кампеадора и Сан Хуан де ла Круса, – сдалась. Сдалась уже довольно давно.

Предала всё своё наследие и по-рабски легла под Великую Мать. Под то, против аспектов чего боролась более семисот лет.

Потому, так стонут и орут невротичным весельем эти убитые души; потому, идя по следу Дон Жуана, ныряют с головой в омут похоти, пьянства и потому принимают мерзость содомии и толерантности...

Пир на своих же костях продолжался всю ночь. На утро осталась растерзанная Мушия.

Засранная и заваленная горами мусора.

И только предельно печальные крики чаек пронзали своими копьями сердца тех, у кого остались оные.

Таких было очень мало.

Западный Океан хранил молчание, циркулировали удары волн о каменистый берег и стальная Вода отрешённо улыбалась улыбкой мёртвого.

Costa da Morte.

25) ДЕНЬ 16. ВРАТА СЛАВЫ. САНТЬЯГО.

С самого утра мы возвращаемся в Сантьяго.

Принимаем решение не стоять в очереди за грамотой об успешном окончании: как-то весь этот процесс уж очень профанирован. Тем более, судя по множеству факторов, маловероятно, что современные выдаватели свидетельства представляют собою Линию Передачи Матамороса – сейчас это, скорее и в первую очередь, социально-развлекательный фактор.

Вот цитата, взятая из материалов одного туристического сайта, она прекрасно иллюстрирует бренд-камино и современное отношение к нему:

«Всем нам с детства свойственно представлять себя смелыми путниками, идущими по живописным местам в поисках приключений. Бывая в Испании, вы можете встретить путешественников разных возрастов и национальностей, идущих по знаменитому Пути Сантьяго (Пути Святого Иакова). Это один из самых знаменитых маршрутов, большая часть которого протекает по территории Испании и заканчивается в городе Сантьяго-де-Компостела. Изначально Путь имел паломническое религиозное значение, приводя верующих через испытания дорогой в Храм. Сейчас же он открыт каждому, кто хочет проверить свои силы, понять себя, увидеть красоту природы и очарование маленьких городков и деревень.

«Когда ты будешь в пути, помни, что путешествие – это лучший способ познания, и каждая поездка – это приключение» (Пало Коэльо).

Но иногда вместе с мечтами о приключениях проявляется беспокойство о сложностях, например, чрезмерно жаркой погоде, нескольких сотнях километров дороги и недостаточном количестве отпускных дней. На помощь малоопытным путешественникам приходит Поезд пилигримов (El Tren del Peregrino), который везет их по одному из Путей Сантьяго в течение пяти дней. Каждое лето в августе Компания Renfe запускает этот туристический поезд,

следующий по португальскому маршруту Пути. Миссия поезда – помочь путешественникам быстрее преодолеть трудные отрезки дороги, отдыхая и восстанавливая силы в уютных купе с душем. При этом путники не нарушают правило прохождения 100 километров пешком для получения сертификата паломника, так как во время путешествия предусмотрены остановки и возможность проходить некоторые участки пешком или на велосипеде, возвращаясь в поезд в назначенном месте».

Далее следует описание всего комплекса развлечений и удобств на пути.

Понятно, что такое отношение и такой способ «паломничества» не имеет ничего общего с Камино де Сантьяго. Собственно, в контексте камино-тура и выдаются, в основном, свидетельства о прохождении.

Традиция эта идёт со Средних Веков, но сейчас она практически не имеет ничего общего с теми смыслами, которые были вложены тогда в такие Документы.

Ранее, в эпоху праведных Пилигримажей, завершение Камино де Сантьяго предполагало прихождение на Площадь пред Собором. Сюда, в это Озеро Гнозиса и паломнического воинственного труда, стекались десятки Путей, сотни Дорог и тысячи Тропинок.

Потом следовало трепетное прихождение к Порталу Славы, Вратам Блаженств Господних. Там Пилигрим касался ладонью Колонны-Иконы, на ней изображено Древо Иесеево (родословие Христа, Царская Линия Передачи).

Наверное, миллионы Паломников, Воинов, Царей, Монахов, простых людей, оставили тепло своего касания на этом камне, таким образом слились в Священное единство тайного отпечатка.

Далее, Пилигрим на коленях шёл к Статуе Святого Иакова в алтаре, обнимал Её, проводя своеобразное Таинство Слияния.

Потом, спускался в Крипту к Мощам и Причащался так.

На этом Пилигримаж, в общем, оканчивался...

Сейчас этот Ритуал-Таинство исполнить так невозможно.

Современному Пилигриму доступно зайти в Храм через Южный вход, можно обнять Статуу Иакова и преклониться Мощам.

Уже десять лет (с 2009 года) закрыт для свободных посещений главный Портал, чтобы сюда попасть нужно купить билет за 10 евро и это возможно только с экскурсией. Прикоснуться к Колонне строго запрещено, об этом сразу предупреждают и стоит охранник, тщательно следящий за таким порядком. Аргументируя сие тем, что касания наносят непоправимый вред камню, однако, учитывая сколько уже всё это простояло и то, что число экскурсантов последние десять лет мизерно по сравнению с бывшим потоком Паломников, ясно: запрет на касание Священного Столба имеет другие причины...

Как минимум, понятно: из древнего Таинства Богообщения, Камино де Сантьяго уже превратили и всё более превращают в своеобразный туристический бренд, не исключено, что х/ф Эстевеса, резко усиливший поток камино-туристов, вообще был конретно снят под задачу в качестве неявной рекламы.

Если Коэльо создал new-age-интерпретацию Камино, то Эстевес своим фильмом вообще перевёл всё это дело в ранг попсы.

Портал Славы исключительно важен во всей композиции Камино.

Это Врата. Шлюз между профанным миром и Раем...

По сути, он воплощает в камне, в форме и в совокупности со Храмом и со всеми Камино, Линию Передачи Знания и даёт (давал) возможность Пилигриму символически войти в Неё непосредственно. Собственно, при таком видении, все Камино – это разные Формулы проплавки себя до состояния восприимчивости тончайшего Гнозиса. Специфика всех этих Путей связана с особенностями Христианства вообще и Испании с Реконкистой, в частности. Дороги Святого Иакова являются (являлись) в первую очередь, способом и тропами Рыцарского Посвящения (Иаков-Матаморос).

Колонна Иессеева Древа, Иаков-Паломник с Посохом, Три Искушения Христа, Христос-Пантократор в Сердце Тетраморфа... всё ЭТО и есть Струна Истины, которой касался Пилигрим при входе в Храм.

Да и Храм во времена прежние, в светлые часы Веков Средних, был иным.

Совсем другим.

Собор Сантьяго представлял собою прекрасное, как ясное стекло, чистое, как неуязвимый кристалл, Романское Строение. Не было и в помине всей этой похоти и приторности барокко (если быть уж очень точным, то Собор в 16–18 веках был переделан в стиле ультрабарокко, который называется чурригереско).

В средние века Запредельная Чистота.

С тех Романских пор и дошёл Портик Славы, его создал – Мастер Матео в 1168–1188 годах. Получается, сего Древа Иессеева в Камне Столба касались длани Пилигримов в течение восьмисот лет...

Собор Сантьяго в его базовой Романской версии строился, в целом, по образу и типу Базилики Святого Сатурнина в Тулузе. В ней, кстати, находится одно из наибольших собраний Святых Мощей христианского мира. Через Тулузу проходит одно из четырёх важных французских Камино – из Арля...

Средневековые Камино...

Измерение Фаты Морганы живого мира ещё возможных чудес. Время и Пространство тогда звучали по-другому, чем, даже, в ближние к нам столетия. Более того, не было контрастно-дихотомного, антагонистического, противостояния этих двух самому человеку.

Бог, как раз и было ТО, что истекало и человеком, и миром, в чём не было никаких разделённостей, однако, что одновременно проявлялось конкретикой вещей и явлений, чтобы, совершив циркуляцию Жизни, опять слиться воедино в Боге...

Это не просто красивые слова: средневековый человек ещё не имел комплексов концепций видения мира, как освоенного и потребляемого пространства; ещё не существовало чётких границ, подробных карт; мифологическое и «реальное» плавно перетекали друг в друга; огромные территории не были замкнуты в виртуальный образ знаемой планеты, но растворялись где-то в субтильных стихиях более высоких частей гаммы...

Камино де Сантьяго: путь пресветлого Мифа.

Тропа интимного и воинского общения с Богом.

Который – в Сердце.

Который – везде.
Который – и в миру, и не от мира.

26) СОН САЛАМАНКИ. ЗАВЕРШЕНИЕ КАМИНО.

Последний, семнадцатый день этого Пилигримажа.

Просыпаемся в 4 утра, быстро собираемся и едем в аэропорт Сантьяго. Посадка. Перелёт. Мадрид.

Пересадка. Ещё пересадка.

Саламанка.

Мы на месте.

Полтора километра быстрой ходьбы. Два Собора.

Совсем рядом – Пещера Саламанки, в которой Сатана учил избранных Чёрной Магии. Опять звенящее напряжение пространства.

Читаю Апокалипсис.

Странное и предельно яростно-нежное Произведение. Исключительно насыщенное Образами. Эта страшной силы вибрация натянута струной между Раем и Адом.

Размах крыл Истины: Парадиз-Инферно, Огонь и Свет...

Их улавливает в свои структуры, в свои нервы, контрфорсы и аркбутаны, Готический Собор.

Они являются плотью Троп Пилигрима. Они истекают фее-рией фигур людей и демонов в них...

Новый и Старый Соборы Саламанки: они рядом, из одного можно перейти в другой.

Новый просто огромен по своим размерам, здесь можно пройти по галереям, находящимся на большой высоте и телом ощутить масштаб Готического сооружения. Это, конечно, потрясает как и поражают сложные нервюрные рёбра данного Храма, их удивительные переплетения.

Старый Собор похож на аскетичного, из прозрачного стекла, крепкого как алмаз, Дракона.

Описать сие невозможно и остаётся только молчать в распаханном пламенном замешательстве.

Не исключено, что такие два Собора понадобились Саламанке (да и всей Ойкумене) как противовес уже упомянутой дьявольской Пещере...

Наше Камино Португез окончено.

Мы начали его прихождением к Святыням Алкобасы, Томара и Порто; конкретизировали в плоть шагов от Барселуша до Сантьяго; опять, оседлав машины, приехали к Мушии и в Саламанку...

Белая Алкобаса.

Красный Крест Томара.

Чёрный Клуатр в Порто...

От Огня Барселуша к Свету Поля Звезды Сантьяго. Сквозь луситанское Saudade к рыцарскому Опусу испанской Реконкисты.

На Север.

Строго на Север.

Прожита отдельная целая жизнь.

Опыт.

Самый разнообразный и тотальный. Конечно, его невозможно адекватно и полно изложить в небольшой книжице. Сделано, что должно.

И: будь, что будет.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ.

PURIS OMNIA PURA.

ЭПИЛОГ. ЧАША КАМИНО.

Камино де Сантьяго...

Вещи и события не равны сами себе в банальном смысле такого привычного тождества.

Каждая вещь или событие, далее, событие-вещь, являются для нас, людей, притчами. Метафорами иносказаний от малых смыслов – к большим и от оных – к глубинным. Всё не есть то, что бытовым образом мыслится утилитарно или, элитарно осознаётся в отрыве от тягот ежедневности.

Волшебство.

Чудеса.

Они – полустанок между привычно-скучным и сакрально-тотальным. В этой сказке начинает течь и плавиться чёткость абрисов и контуров: мы попадаем в Воду. Воздушные Замки и искусство их пестовать, продолжают сие, ведя ко вдохновенной пламенной неутомимости.

И вот, взаимоотношение вещей-событий изменяется, мир не такой как был: пространства мерцают таинственно.

Да: здесь всё уже живое и полдороги до куда угодно. Концептуальных духоведов от любых конфессий пугает сие...

Вещи-события предстают символами. Несколько цитат из «КНИГИ О РЫЦАРСКОМ ОРДЕНЕ», написанной Рамоном Льюльем (Раймундом Луллием):

«3. Рыцарю принадлежит копье, что свидетельствует об истине, ибо истина не извилиста, но пряма и она опережает ложь.
(...)

5. Рыцарю принадлежат доспехи, символизирующие замок и крепость, предохраняющие от грехов и пороков, ибо, подобно тому как опоясывают замок или крепость, дабы никто их не мог преодолеть, замкнуты и подогнаны один к другому доспехи, дабы

не смогли пробраться в благородное сердце рыцаря вероломство, гордыня, измена и другие пороки».

(из части 5; перевод Багно В. Е.)

Средневековое сознание – это сознание Священного Перекрёстка. От него отходят Корабли.

Камино, Тропа – не Камино.

Это: огненные Каналы, наполненные Пламенем Пилигримов; огненные Столпы Храмов, включающие в себя Фонтаны труда, молитв и чертежей, Водопады благословения и апостольского дождя.

Огонь не жжёт Огонь: они объединяются в одно. В этом – глубокий Смысл.

Крестильная Купель потому наполняется водою, что когда в неё нисходит Огонь Духа Святого, она превращается в Воду. В этом разница между Водами нижними и верхними.

Вино потому и Вино, что его эссенция есть особое Пламя.

Чаша Камино наполняема Вином.

Пиво и пшеничная Водка здесь неуместны.

Наше Красное Белое Вино.

Напиток Истины.

Белое: мы идём к Простоте. В Пустоте. Чистотою в Чистоте.

Красное: вереница шагов Пилигрима раздувает в ровное горение Тайное Пламя.

Красное Белое Вино: Истина с нами. Истина в нас.

С нами Бог.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ.

PURIS OMNIA PURA.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Мир изменяется.
Стремительно.
Во времени и в пространстве.

Камино де Сантьяго, в сущности, в истинном, смысле, это – Средневековая Европа.

Европа, от которой остались одни осколки: драгоценная Чаша, разбитая сотни лет назад...

Евросоюз сейчас, это территория распространения, существования, экспансии и борьбы, различных брендов и трендов. Здесь, «камино де сантьяго», не более чем очередной бренд, а также поле активности облака суббрендов. Под этой эгидой и происходит современное хождение по древним Тропам. Фитнес-бабки бодро шагают по этим путям, они «достойно проживают» свою цивилизованную европенсию; их постсоветские аналоги, в основном, страдая от различных заболеваний, существенно обабившись, тем не менее, умудряются, одна на тысяч десять-двадцать, реализовать состояние прозрачной бабушки. Ясно, сие возможно под стягом Православия и, как это ни странно, угасающего советского импульса...

Православия и постсоветии, конечно же, мало – речь о движении, в контексте Камино, к Кафолическому Христианству и Рыцарской Передаче.

Сид Кампеадор, Раймунд Луллий, Людовик (Луи) Святой, Майстер Экхарт, Фридрих Второй Штауфен, Готфрид Бульонский, Дон Пелайо, Гуго де Пейн, Жак де Моле, Святой Бернар, аббат Сюжер, Ульрих фон Юнгинген, Генрих Второй Святой, Филипп Второй Август, Ричард Львиное Сердце, Карл Великий, Герман фон Зальца, Мануэль Первый Счастливый, Жанна Д'Арк, Альфонсо Второй Целомудренный... – это далеко не все Имена, своим звёздным сиянием, проявившие Великое Небо Средневековья.

Под его сенью жило и живёт, уже в тайном сокрытии для Чистых Сердец, Камино де Сантьяго.

Европа сохраняет следы в Камне. У нас, в Украине, Беларуси, в России... – ещё догорает свеча иной, той, человечности. От оной – один, два... три шага до Камино. Из евросоюзовской реальности на Тропу, практически, выхода нет: там – бесконечный Торгово-Развлекательный Центр, как храм Брендов.

Огненные росчерки образов Святых, праведных Царей, Благородных Рыцарей и Алхимиков, они сливаются в одну Фигуру Матамороса-Иакова.

Идти на Камино.
Стяжать Свет Рыцарства.
Это Подвиг.

Для единиц из сотен тысяч (а, может и миллионов) он всё ещё возможен.

И пусть Ты, Читатель или Читательница, вдруг окажешься Пресветлым Братом или – Чистой Сестрой. То есть, Существом, достойным Камино де Сантьяго.

Пусть, волею Истины и Бога, свершаются чудеса эти.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ.

СОДЕРЖАНИЕ.

1) ВВЕДЕНИЕ: СПЕЦИФИКА ПОВЕСТИ ОБ ЭТОМ ПИЛИГРИМАЖЕ.....	3
2) СУЩНОСТНО О ПИЛИГРИМАЖЕ.....	9
3) ИБЕРИЯ И КАМИНО ДЕ САНТЬЯГО.....	13
4) ПОРТУГАЛЬСКАЯ СПЕЦИФИКА: САУДАДЕ (SAUDADE) ПО ИСТИНЕ И ЕЁ ИСКРАМ.....	20
5) ПОРТУГАЛИЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ.....	30
6) В ПОРТУГАЛИЮ.....	48
7) ДЕНЬ 1. ЛИССАБОН – АЛКОБАСА – ТОМАР. РОЖДЕНИЕ ТАМПЛЯ.....	57
8) ДЕНЬ 2. ТОМАР. ТВЕРДЫНЯ ТАМПЛЯ.....	65
9) ДЕНЬ 3. ПОРТУ: СПРЯТАННЫЙ ДРАКОН.....	71
10) ДЕНЬ 4. НАЧАЛО. БАРСЕЛУШ – VITORINO DOS RIAES (ОКОЛО 25 КМ).	79
11) ДЕНЬ 5. В ПОНТИ-ДИ-ЛИМА (ОКОЛО 12 КМ). ДВОЙНИКИ И ВОПРОС МОНОТЕИЗМА.....	86
12) ДЕНЬ 6. НАПРАВЛЯЯСЬ В RUBIAES (ОКОЛО 21 КМ).	102
13) ДЕНЬ 7. ХРУСТАЛЬНЫЕ ТРОПЫ С ОРАНЖЕВЫМИ ПРОЖИЛКАМИ. В TUI (ОКОЛО 22 КМ).	113
14) ГРАНИЦА. ПОРТУГАЛИЯ. ИСПАНИЯ. МОСТ СЛЁЗ.....	119
15) TUI. ОРАНЖЕВЫЕ ПРОЖИЛКИ В ХРУСТАЛЬНОЙ ДОРОГЕ.....	122
16) ДЕНЬ 8. ИСПАНИЯ. TUI. АРЕОПАГИТИКИ ЭХХАРТА В ВОПРОШАНИИ К СИДУ.....	127
17) ДЕНЬ 9. ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ ИСПАНСКИХ СУМЕРЕК. TUI – REDONDELA (ОКОЛО 33 КМ).	134
18) КАМИНО СВОИХ ЗВЁЗД. REDONDELA.....	145
19) КАМИНО: В ДАЛЬ, ИЗ ПЛЕНА, ПРОЧЬ ОТ МАТЕРИ. КОТ ГОСПОДЕНЬ. REDONDELA – PONTEVEDRA (ОКОЛО 19 КМ).	149
20) ДЕНЬ 11. PONTEVEDRA – CALDAS DE REIS (ОКОЛО 23 КМ).	156
21) ДЕНЬ 12. В PADRON. ПОСОХ СЕМИ ЗВЁЗД.....	164
22) ДЕНЬ 13. К ПОЛЮ ЗВЁЗД. В САНТЬЯГО (ОКОЛО 24-25 КМ).	171

23) ДЕНЬ 14. КРАЙ СВЕТА: МУШИЯ.	177
24) ДЕНЬ 15. МУШИЯ: БЕРЕГ МЁРТВЫХ.	182
25) ДЕНЬ 16. ВРАТА СЛАВЫ. САНТЬЯГО.	191
26) СОН САЛАМАНКИ. ЗАВЕРШЕНИЕ КАМИНО.	196
ЭПИЛОГ. ЧАША КАМИНО.	201
ПОСЛЕСЛОВИЕ.	205

